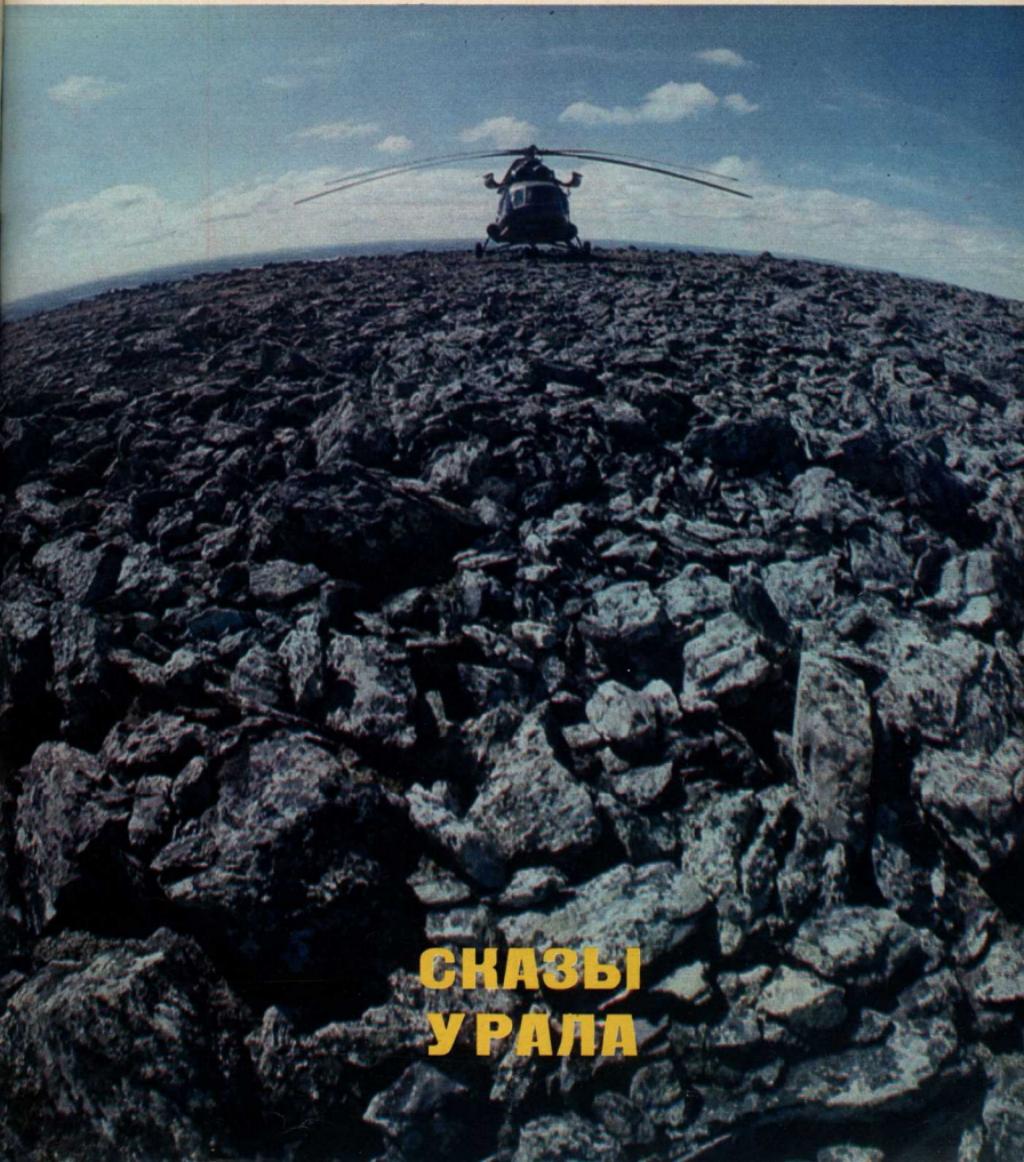

Смена

№ 16 АВГУСТ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СКАЗЫ
УРАЛА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛИАЛОГА

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ, В АЭРОПОРТУ. Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

СОГЛАШЕНИЕ ПОДПИСЫВАЮТ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС ЛЕОНID ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ И ПРЕЗИДЕНТ США РИЧАРД НИКСОН. Фото Алексея ГОСТЕВА.

СКлаусом Йотнером мы познакомились год назад, недели за две до начала Десятого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине. Оба работали в пресс-центре, где проходила встреча по десятому разу на день, и я, конечно, знал, что и после фестиваля мы встретимся не однажды, поскольку Клаус — руководитель Московского бюро телевидения ГДР.

Так все, естественно, и получилось, и вот новые встречи на этот раз в пресс-центре, созданном в дни встречи Советской делегации президента США Ричарда Никсона с освещением третьей советско-американской встречи на высшем уровне.

Спрашивал Клауса, на что в первую очередь обращает он внимание в своих репортажах, и Йотнер рассказал:

— Знаешь, мы стараемся прежде всего раскрыть глубинную суть процессов, происходящих сегодня в мире.

КРИМ, ОРЕАНДА, ПОСЛЕ ПРОГУЛКИ ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ. Фото Юрия АБРАМОЧКИНА и Эдуарда ПЕСОВА (АПН).

ре. Меняется соотношение сил, нарастает вес мировой социалистической системы, и это плодотворно влияет на политический климат планеты. Наши братские страны выступают на политической арене единным фронтом, что позволяет с успехом противостоять врагам. Программа мира...

В Ялте у меня случился любопытный разговор. Я смотрел телепрограмму «Время». Подошел американец, техник одной из телекомпаний. Какое-то время он смотрел на экран — шла передача, посвященная тридцатипятилетию освобождения Минска от фашистской оккупации — в один миг он исчез. Я обрадовался: «Ох, американец помогал, а потом вдруг сказал, что его тоже освободила Красная Армия. Он был пленом, склонил его сблизи, и он попал в плен, откуда и вызволили его советские солдаты...»

Выход из рассказа Клауса Йотнера, конечно же, очевиден, и всем он не только бывшему американскому летчику: американский и советский народы могут и должны сотрудничать.

не только в годы совместной борьбы с фашизмом.

Двусторонние отношения между СССР и США приобретают в процессе разрядки напряженности особое звучание, либо на самых могущественных государствах лежит повышенная ответственность за сохранение упрочения мира на земле.

Давайте попробуем расширить смысл «разрядки». Давайте при этом условно ограничимся только двусторонними связями и отношениями Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Покалуй, уже один лишь заголовки, собранные вместе, достаточно полно раскрывают содержание этого процесса: «Ради жизни на земле», «Торговля замечено высокосень», «Экономика мира» и т. д. Или, если расширяться, «Разрядка знает рабы», «От разрядки — к сотрудничеству».

Беседуя в Москве и в Крыму, руководители двух стран делали акцент на том, что сближают, а не разделяют два государства. Разумеется, между СССР и США есть и сохраняются глубочайшие социальные различия, принципиальные идеальные разногласия, но есть и общие интересы, позволяющие конструктивному диалогу. Такому диалогу, где обе стороны стараются лучше помочь друг другу.

«Никсон и Брежнев приближаются к соглашению о том, что каждая сторона будет иметь лишь один район противоракетной обороны» — эти слова вынесены в подзаголовок репортажа, который передан из Москвы для газеты «Нью-Йорк таймс» Кристофер Рэн, один из поэтов двухсот американских корреспондентов, следивших эту встречу.

Журналисты, заполнившие пресс-центр с раннего утра и до поздней ночи, в первую очередь обратили внимание на договоренность двух сторон по проблемам необычайно важным для уменьшения военной опасности, укрепления мира и взаимного доверия для углубления процесса разрядки международной национальности.

Эти соглашения особенно важны. Потому что народам нужен мир.

Потому что вооружение требует громадных расходов.

Потому что, как писал в газете «Нью-Йорк таймс» известный американский политический деятель Аверелл Гарриман, «на одна из сторон не должны претендовать на превосходство с точки зрения политического и промышленного».

Со стороны Советского Союза не может быть одностороннего разоружения, и он не может согласиться на второе место в ядерной обороне. Всякий раз, когда мы берем на новый программы, русские будут поступать так же...»

Процесс разрядки напряженности, утверждения принципов мирного существования государств с различными социальными системами приобретает необходимый характер и потому, что распространяется на все более широкий круг областей.

Советско-американское сотрудничество строится на практической основе — страны объединяют усилия в разных сферах деятельности: в военном космосе, в экономическом сотрудничестве, в жилищном строительстве, в энергетике, в поисках средств борьбы с болезнями сердца, в гигиене.

Экономические связи расширяются, и напомню, что в 1973 году общий объем советско-американской торговли достиг 1,5 миллиарда долларов, другими словами, увеличиваясь по сравнению с 1972 годом более чем вдвое: тогда общий объем равнялся 660 миллионам долларов.

Не могу не припомнить в связи с этим, что когда оканчивалась одна из пресс-конференций, журналистов

пригласили в Министерство внешней торговли: там подписывались сразу несколько соглашений с фирмой «Оксидент петролеум корпорейшн», возглавляемой известным промышленником Армандом Хаммером.

К сожалению, теплые ветры, определяющие в середине семидесятых годы политическую жизнь на земном шаре, не всем по вкусу. Продолжающие разрядку пытаются связать развитие экономических отношений двух стран с определенными политическими уступками, которые должны было бы сделать за это Советский Союз, они мешают правительству США устранить дискриминационные тарифные ограничения в торговле с нашей страной.

Были противники и у третьей встречи в венах. Они пытались и пытаются преумножить значение делового контакта руководителей двух стран. Они еще до начала переговоров стремились посеять сомнения в возможности достижения новых соглашений.

Мы говорили об этих «соглашениях» спикеры и противники разрядки с корреспондентом нехолловской газеты «Млада фронт» Гораком.

Богумил Горак рассказывал:

— В своих репортажах я писал, что готовить третью встречу в венах было, с одной стороны, более легко, а другой — более трудно. Более легко потому, что на первые встречи еще только предстояла структура, а для третьей встречи ее уже имелись. Более трудно потому, что в то время как механизмы контактов созданы и успешно работают, сложное же подготовка к нынешним беседам, мне кажется, потому, что во время двух предыдущих совещаний было подписано много соглашений, касающихся всех трех сфер сотрудничества. Раньше уже сам факт подобной встречи становился новостью, а теперь ее участники приобрели регулярный характер, и потому обе стороны должны углублять взаимопонимание, стремясь идти дальше. И если сейчас будут подписаны новые соглашения, я в этом ничуть не сомневаюсь, то это означает, что процесс разрядки успешно развивается...

Чехословакский журналист оказался прав. Соглашения, подписанные в Москве, практически оправданы в Нью-Йорке.

Это признают политические деятели и люди «с улицы». Бизнесмены и журналисты. Ученые и генералы. Это признают сторонники президента Никсона и его противники. Республиканцы и демократы.

Значение третьих переговоров руководителей СССР и США выходит, конечно же, за рамки двусторонних отношений. Генеральный секретарь ООН Курт Вайльдман заявил, что такие встречи на высшем уровне руководителей Советского Союза и Соединенных Штатов способствуют разрядке напряженности.

Назовем результаты переговоров «конструктивными и весомыми». Леонид Ильин Брежнев подчеркнул: «договоренности по тем или иным, конкретным вопросам ограничения системы противоракетной обороны обеих стран, согласование ограничение подземных испытаний ядерного оружия, новые усилия, направленные на дальнейшее ограничение стратегических наступательных вооружений, и ряд других мер, — все это вместе означает существенное продвижение по намеченному нами совместно пути укрепления мира и взаимного доверия».

Встреча закончилась. Она, как подчеркнул Полибийо ЧК НПССР, Президент Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, стала крупной вехой в истории советско-американских отношений, позволила достичь принципиальных соглашений по важнейшим проблемам современности.

Программа мира претворяется в жизни.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц

№ 16 [1134]
АВГУСТ
1974

НАША ОБЛОЖКА.
НА ПОЛЯРНОМ УРАЛЕ.

Фото

Геннадий КОПОСОВА
и Лия ШЕРСТЕННИКОВА

ФОТОЧЕРК «КАМЕННЫЙ ПОЯС» НА СТРАНИЦАХ 12—17.

УЧЕНЫЕ САМИ О СЕБЕ

18

СУДЬБА ДЕСЯТОГО «БЮ».

Начинаем цикл очерков
о планах и дорогах выпускников.

20

НАХОДКИ
БОРИСА ЧЕТКОВА.

22

ПЕРВЫЙ ШАГ В БУДУЩЕЕ.
К 30-летию Словацкого национального восстания.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ.
ОЧЕРК О НАСТАВНИКЕ ИЗ КОСТРОМЫ

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
ПОКЛОННИСЬ СОЛДАТУ.
РЕПОРТАЖ ИЗ НОВОРОССИЙСКА

МОДЫ: ОСЕНЬ-74

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лихнов [ответственный секретарь], В. Б. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Ромдевенский, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашянц Технический редактор Н. И. Будкина

© Издательство «Правда», «Смена» 1974 г.

Смена 1

Михаил СУХОВ, полковник

ДЕСАНТНИКИ

РАССКАЗЫВАЕМ О РОТНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК,
ЗАВОЕВАВШЕЙ
ПЕРЕХОДЯЩИЙ КУБОК «СМЕНЫ»

Редколлегия «Смены» соизместно с Политотделом Воздушно-десантных войск подвела итоги соревнования комсомольцев-десантников за кубок журнала, присуждаемый подразделению, добившемуся не только лучших показателей в боевой и политической подготовке, но и успехов в комсомольской работе. «КОМСОМОЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР ПРИЗВАНЫ ОКАЗЫВАТЬ ДЕЙСТВЕННУЮ ПОМОЩЬ КОМПАНИЯМ, ПОДИПАЛАМ И ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В ВЫПОЛНЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ПОДДЕРЖАНИИ ПОСТОЯННОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ ВОЙСК, ЧЛЕНЫ ВЛКСМ ОБЯЗАНОЫ ПОКАЗЫВАТЬ ПРИМЕР ВЫСОКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ, БЕЗПРЯМОГО СОБЛЮДЕНИЯ ВОИНСКИХ УСТАНОВ И ПРИСЯГИ, ОБЕСПЕЧИТЬ ШИРОКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЫХ ВОИНОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПОПЫШЕНИЕ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ И ПОДДЕРЖКУ ВЛАДЕНИЯ ОРУЖИЕМ, ВОЕННОЙ ТЕХНИКОЙ И МАТЕРИАЛОМ». XVII съезд ВЛКСМ изложил основополагающие при подведении итогов соревнования десантников. Победителем была признана рота, где секретарем комсомольского батальона гвардии старший сержант Александр Лукцов.

Недавно на торжественном построении всего личного состава Кубок «Смены» был вручен юношам-комсомольцам.

Возде обочины, словно часовые, высажены сосны-великаны, оберегая зловещую тишину корабельного бора. Где-то тут, судя по координатам, переданным по радио, должна быть находиться рота. Глубокой почтой накануне она была сброшена в тьму «противника». На рассвете рота, пройдя под носом у «врага», остановилась в этом лесу. Передохнув, десантники отправятся дальше, на север.

...До боли в глазах всматривались в темный лес — никаких признаков живого. Николай Николаевич (полицейский полка) огорченно развел руками.

— Не могли же они провалиться сквозь землю?

И тут внезапно спраша от машины выросла фигура парня в маскировочном халате. Он решительно поднял руку, давая понять, что дальше пути «газину» нет. Затем подошел к машине:

— Пароль?

Полицейский ответил. Согласно кличу, головой, потом приставив к руке трубочкой и несколько раз прощуковав.

Из-за деревьев выгнал из сержант. Узнад, сопровождающего, приносимась и молодозелено дохнуло:

— Временно исполняющий обязанности старшего роты сержант Аудуков.

— Знакомьтесь, — обернувшись к нам, проговорил Николай Николаевич. — Секретарь ротной комсомольской организации, лучший в соединении.

Так мы встретились с Александром Аудуковым. Комсомольским вожаком он был избран несколько месяцев назад. Потом в разговоре честно признался, что секретарские заботы для него в новом трудах не помешают. И впереди было дело важное — забота о юнтах. Конечно, начинать он был на чистом месте: в комсомольской организации уже сложились замечательные традиции. Но ведь старая слава новую любит. То, что вчера казалось отличным теперь уже не могло удовлетворять десантников. Время ставило перед ними, а значит, и перед комсомольской организацией более сложные задачи. Из вновь избранных членов бояко никто не отмахивался от черновых работ. Все присягнули.

Подошел Николай Николаевич. Протянул Аудукову пачку писем:

— Раздайте солдатам.

Секретарь взглянув на письма и сказал:

— Получить письмо, находясь в тумане «противника». Такое на всю жизнь запомнишь.

Едва заметная троекратная вспышка миг и пахоткам. Всего них солдаты чистили оружие, проверяли снаряжение, приводили в порядок обмундирование. Увидев в руках Аудукова письма, послепышли ими настороже.

— Сержант Жогол!

И рядом с Аудуковым вырос десантник. Биография у Алексея обыкновенная — школа, работа в колхозе, армия. От родителей унаследовал золотые качества, и среди них первое — трудолюбие. Спрашивала Алексея:

— Трудят? Вот и сегодня вторую ночь без сна. Сержант улыбается:

— Об этом как-то не думается. Конечно, служба — не месть. Но и радостей в ней много.

— Моя семья — воинская, — заметил Аудуков. — Хорошо что сестра работает, с полусыса все понимает.

Абураджимов:

Аудуков помахал конвертом. Рядом оказался крепкий, круглолицкий солдат. Взгляд и зардеся.

— Рязань присадила! — спросил Саша.

— Она! — подтвердила Абураджимов. — Давно не писала — работы было много.

— Теперь его от письма не оторвешь! — сказал Аудуков. — Любовь. Вместе учились в профессионально-техническом училище, попорхали на «душе» стройку электротехнического института, тоже в Рязани. Абураджимов всегда скрывал свою любовь. Потом.

С чистой совестью вернулся Салават домой. Несмотря на покореженный уход записано в послужной список этого собранного, неутомимого десантника. Да письма с благодарностью послал командир его родителей. Абураджимов сфотографирован при развернутом знамени части.

— Паниниша!

— Он в разведке, — ответил кто-то.

— Уже вернулся, — поправил товарища. — Да вот он.

И опять Аудуков — смуглый сержант. Привет, приятель, от зреого солнца и без того усталых глаз, показал крепкие белые зубы, решительно взял у руки секретаря конверт.

— К киргизским приветом!

— Точно.

А минуту через пять мы оказались свидетелями любопытной сцены. Офицер, развернув и без того измятые карты, расправившая младший сержант Панчинцов:

— Покажите, как вы продвигались.

Младший сержант быстро сориентировался в расположении карты и уверенно доложил о маршруте движения.

— Какой ориентир открылся слева?

— Железнодорожная будка со знаком...

Промолчал капитан, пригласил младшего сержанта Сергея Безубца.

— Покажите ваш путь, — предложил капитан.

Показал сержант и опять застыл по стойке смирно.

— По какому предмету на местности ориентировались?

— По железнодорожному мосту.

— Правильно, — отметил офицер. — Но это был другой мост. От заданного километров в десяти. И все, кто находился рядом, улыбнулись. Сергей стоял словно в воду опущенный.

— Вот. Панинцева — молодец — значительно превзошла капитана, — он пронес с точностью до сотни метров.

Инцидент был исчерпан. Подразделение занялось своими делами. А Панинцева подошла к Безубцу, похлопав его дружески по плечу и без тени пре-восходства заметила:

— Не отгораживайтесь, Сергей. С кем не бывает? Зав-ты меня обставили.

Безубец сразу же ожидался:

— Да, конечно, Арл, обставляю.

Рассказали мы об этом Аудукову. Он не удиви-лся, воспринял эпизод как нечто само собой разумеющееся.

Кстати, это тоже одно из важных условий успехов роты, комсомольской организации. Дружба, взаимная поддержка стала у нас законом.

...Случаю это во время ротных учений. Под-разделение предстояло преодолеть «заряженную» зону. Самые опасные километры в «заряженной» зоне — это пешеходы с полной выкладкой. На плацах у каждого автомата или гранатомета, рожок с боеприпасами, сан-кертная лопатка — то пригадать килограммов на брата. И никто не отстал, никто не спасался. Особенно лихо пришлось тем, кто тащил на себе орудие. И хотя у ефрейтора Фунтикова и рядового Кости из своих номинации были не игрушечные, они не раздумывая, подстали плачу под орудие, когда за-метили, что товарищи устали. А как же иначе могли поступить люди, привыкшие делать все ти-гами порученное!

...Водружный десант, которому предстояло обна-ружить штаб и радиолокационную станцию «про-тивника», был выброшен ночью. Темно, местность незнакомая, а тут еще сырая пашня — ноги взлип-нут, сильный ветер, дождь. Наша «противница». Но когда одна группа вышла к радиолокационной станции, ее жадно. Завислаясь схватка. На сторо-не «противника» была ребята не из рабочего де-сятка, племянники самбо, владели ими же хуже нападавши. И вдруг из темноты выскочил второй группа! Смогли «противники», опадавшие станови-цией, а затем вместе и к штабу пробились.

— Знаете, — признался Аудуков, — кое-кто не прочь упрекнуть нас с причиной: «Поведьтесь вам народ в роте отбройный. С такими можно работать. Попробуй с нами». Я так скажу — солдаты в роте как солдаты. Приходят к нам такие же парни, как и к другим. Были в роте и свои «арти-сты». И еще какие. Сколько трофеев доставлено в прифронтовую базу! И вспомнили о том, что Б. Слуцкий он не шатко ни вако, случалось, и дис-циплинарные простачки. Против него все комсо-мозы поднялись. А это от каких сланий! Понадо-вало иерархический солдат, что служить кое-как не удаст-ся, взялся за ум. Правда, не сразу. Пришлося с ним повозиться.

...Эта комсомольская организация по праву на-зылась передовой. Рота завоевала переходящее Красное знамя облисполкома, кубок соединения, грамоты, выполнены.

Новые рубежи ставят теперь винны перед со-бой. Таков характер у нас вождя — Саша Аудуков, Алеши Жгота, Сережи Фунтикова, Арл Панинцева и многих других — не оставляться, до-биваться большего и не бояться трудностей.

В сороковых годах, когда вновь подгото-влялись на своем собрании комсомольцы принять решение помочь командиру сделать отличную роту ротой отличников. Нет, это не игра слов. Не надо искать в этой фразе тщедома понятной. Рота отличников — это неизменно более продвинутая, замахнувшись на большое де-ло первыми в полку.

Эту мысль очень верно выразил на памятном со-брании комстуропре Володя Лазарев:

— Мы как первоштурмовики. Первыми взялись за труде-ное дело — первыми и одолеем его.

В сумерках подразделение двинулось дальше по заданному маршруту.

Шло легко, быстро, в полной темноте. Им пред-стояла очень напряженная ночь. Где-то на пре-втом фланге притягивалась «противник». Дозорным гу-да командир назначил Аудукова.

Сегодня мы знакомим читателей со стихами Виктора Еращенко и Анатолия Горбунова, участников состоявшегося недавно в Иркутске семинара молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока. В этом же номере публикуется рассказ иркутского прозаика Геннадия Николаева.

Виктор ЕРАЩЕНКО

Все дело в том, что брат мой

проходил курс астрономии, и следовало знания от школьного урока закрепить обычным взаимным наблюдением.

И было так:

Был в комнате и шапка, но без пальто, стоял среди двора, глядел в учебники, в потом средь небо и ёжился, где Любедь, где Плеяды, а где Возничий. Слушала его

восторгом и вниманием сестра, боясь переспросить. А средний брат

едва стоял на месте, но не мог сшить открытъ — молча

забавлялся:

затуманные позы принимал

и корни розы.

Всех категоричный,

торжественно говорил отец: во-первых, потому, что долго плавал, как бывший штурман, бывший капитан,

он знал немного неба.

потом, как я подозреваю, потому

он говорил торжественно и четко, что так и не приymsк отцовской

роли и несколько абстрактно понимал

свои задачи.

Рядом, на крыльце, стояла матъ, как будто снискоя

ко всем своим близким и малым

детям;

а все же простодушно увлекалась

и спрашивала: «Всегда! Всегда же! Да подожди...»

Младший братишку, обвязанный шапкой и шарфом, придерживала барабушка. Она

была одета в черное пальто с большими воротником; во мраке,

она молчала, только иногда горбясь,

шептала что-то и на нас смотрела

уже издалека...

А я, — не помню, где я стоял, во что я был одет, молчали ли, говорили ли я,

быть может, существовал с единственной целью:

запомнить всех

и как-то рассказать.

Мне синится сон:

прилива голос гулкий, Тропа, маяк и одинокий граб, И между снегом на дне шкатулки —

Под солнцем золотящий корабль,

и мог легким рулом дотянуться

До мавки, до дерева, до млеч

И в руки взять... Но послышалась

Боясь неловко что-нибудь сломать.

*

Однообразная, несвободная,

Воздух погодненности пустой — Как из под каменного свода Однажды выремся с тобой,

И будет тонким блеск апреля, Сырые травы, дымный моз,

И тьма — последний! — тоннели,

И море — вот оно — как вздох.

*

Яшел один вдоль моря по песку. Хотелось смыть привычную тоску И освещенные пагути, пыли С лица и руки. А моря влампий пуск Эзувал чисто. Воспоминание, грусть —

Все постепенно волны усыпили, Ми я исчез. Рогаты склоняли Курчаки, волны пыли — Загадочная драгоценная улитка —

И плавно раскрывающаяся вая Вдоль берега ленивый прогебал, Как долгая печальная ульбка.

Сиял в лицо пустынnyй небосклон.. И вздрогнул я: а сколько далися он.. Прощадный миг изгнания

забытвял

Там на границе стерлись мысли, Там, испребляясь в волнах плюмена. Как волны, шли и гасли плюмены.

А я — один! Я выплы, как вино, Столетий жизни! И давным-давно Нет на земле ни друга и ни брата!

Я направым вскарабкался наверх. Асфальт. Автобус. Чей-то резкий смех.

День кончился, пора идти обратно.

Анатолий ГОРБУНОВ

Звезда

Ворил я чудесам, Годы выпили стать,
Грязью у почири, Обмыли руки,
То не мать по утрам Хлопотливая мать
Подниграя чурки. Уронила веки.

Заглянув в ноград — Ни слезы, ни следа
Ей по горде дела.. На отрыве руки..
А звезда в дымоход Ню струится звезда
Падала, горела. Над родимой крышей,

Наплынилась изба Над сторонкой моей,
Музыккой и светом. Ночь озярия,
Пела песни труба, От недобрьих людей
И зимой к летом. Руки оберегая.

Воробышная

ночь

Сказа выбыл зас —
Разомнулся на воле!
И табун рисков

Хлынул в темное поле.

В лунных зайцах бока.
За туманный горюю
Злобный вскрап вонка
Перекрило грохоту.

Страх малчикский, прочь!
Даль из огненных красок.
Воробышная ночь.
Повзрослевший подпасок.

Судьба десятого «Б»

Станислав СЕРГЕЕВ

УЧЕНИКИ САМИ О СЕБЕ

первые мы встретились весной 1973 года, в марте. Они сидели за партами, из которых явно выросли. Полудетское любопытство к виду корреспондента, невольное кокетство из-за привлекательности людей, которых ожидала в жизни что-то взрослое — самостоятельность, романтическая любовь, страсть к писательству, выпускница, ставшие в школе, они лишь по инсюпри откликнулись на традиционное обращение «эмальчики», «армочки». Юноши и девушки были обожающими своим близким будущим — она носила выпускные экзамены, предстоящий выбор дальнейшего пути.

Наименее робкие скрывали эту обжиточность под наикрасивейшей брандой: «Надежда», «Снежок», «Любаша», «Марина», «Наталья», отрывистые с грустью отгадывали класс здесь все свое, родное, привычное, а что там, за дверью школы?

Я наблюдал их на уроках и переменах, в торжественно-праздничную минуту последнего звонка и

Статья первая. Продолжение в следующем номере

Саша АСТАФЬЕВ:
«Я не могу спокойно смотреть на ночное небо, видеть звезды, звезды, которые, может быть, никогда не видят люди».

Марина БЕРЕНДАНОВА:
«Природу люблю... Но зимние леса предпочитаю городскую суету».

Саша АСТАХОВ:
«Хотя я по натуре человека воинственный и воинствующий, я и практик драмы. Моя драма является немым переходом и угрегулированию отношений».

Лиза БОНДАКОВА:
«Плохой человек — это человек, который может предать друга. Может, это и хороший, но, по-моему, такой человек — и гром».

Лариса БАЛЬШЕВА:
«По-моему, литературу не изучают для нее самой. Хотя бы за стихи Пушкина, Есенина...»

Роза БЯДРЕТДИНОВА:
«Я мечтаю работать в новом городе».

Саша БЕЛИКИН:
«Самыми важными качествами считаю правдивость, честность, товарищество, любовь и честолюбие».

Наташа ВИНОГРАДОВА:
«Не хочу никому подражать. Хочу быть сама собой».

это интересное было заключено в типическом (потому и подчеркнуто случайность).

ОБЩИЕ АНКЕТИЧНЫЕ ДАННЫЕ

Итак, школа № 524. Находится она на самой окраине Москвы, где сорок лет назад жили люди и природы. Это место, где софия уединяется, чтобы отрываться от социальной гипнозаиванияющей жизни. В ликситом классе «Б» — 32 ученика, в том числе 20 девушки и 12 юношей. По утверждению директора школы Иосифа Романовича Борухова, характерное соотношение по числу между старшеклассниками.

Сначала несколько общих наблюдений. На основании полученных данных можно предположить, что типичность стереотип советской городской семьи выглядит так: отец, мать, двое детей (23 случая из 32).

В основном опрошенные юноши и девушки — дети рабочих. В 22 семьях и отец и мать работают на производстве. Социальный состав нашего общества в этом показателе нашел зеркальное отражение: рабочий класс был и остается главной (и по

Валерия ГЕРАСИМЧИК:
«Я стала разбираться во многом, научившись понимать людей...»

Елена КОВЕРЧЕННАЯ:
«Мой любимый литературный герой — пушкинская Татьяна Ларина».

Дарья МУРТАШИНА:
«Я научилась думать, мечтать, понять, в чем смысл жизни».

Таня РАХИМЯН:
«Хочу, чтобы мой труд приносил людям пользу и радость».

Настя СОЛОВЬЕВА:
«Много времени я по-мочь пчелам в опылении цветов, созданием новых сортов... Конечно из этого вышло не那么多, я все-таки с цветами ознакомила».

Ирина ФИЛАТОВА:
«Я хотела бы учить детей спортивности, воспитывать в них хорошие личные качества».

Жанна ГЛЯНЦЕВА:
«В наше время считаю себя счастливой на-
кой, без которой можно обойтись ни в одном про-
изводстве».

Влада КРУПЧИК:
«Мой лучший друг — я сам. За то, что могу полно-
стью ему доверять».

Наташа НОВИКОВА:
«При первой возможности я побегу из шумной суеты города и на несколько часов окунуться в зеленое море леса».

Сережа РОГАЧЕВ:
«О любви: «Над этим вопросом я не задумывался. Врачи не кому».

Ирина ТАЛАТАУЕВА:
«Хочу быть детским вра-
чом... Желаю, чтобы дети
никогда не болели, всег-
да были веселыми и смеянными».

Саша ХАРТИТОНОВ:
«Хотел бы открыть что-
либо в области науки, чтобы мое открытие по-
могло людям».

Вася ЗАСОРИН:
«Я хочу повторить жиз-
ненный путь своего от-
ца, потому что он осес-
дал шек спирта и не нашел
других дорог в жизни».

Игорь КРЫЛОВ:
«Любимый вид искусст-
ва — кино. Любимые филь-
мы — «Гамлет», «Ромео и
Джульетта»».

Лариса ПАНЧЕНКО:
«Я все время запрети-
ла бы войны и ссоры
между людьми».

Люда САМОШИНА:
«Каждую свободную ми-
нуту я использую, чтобы
встретиться с героями
любимых книг...»

Людмила ТЕРЕШКОВА:
«Лучший друг — тому к
кому спокойно доверить
свои секреты... мама. У
меня нет человека бол-
ее честного».

Сережа ЧЕРНИЦЫН:
«Жизнь — это еще неболь-
шая, но кое-что я уже
перочину, а я научился
любить людей, природу,

Вася ИГНАТОВ:
«Словного артура я ценил за
доброту, отзывчивость,
ум».

Таня КУЗМИНА:
«Я хотела бы подражать
нашей учительнице истор-
ии... Она, правда, очень
строга, но это настоящий
учитель».

Наталья ПОТАПЧИНА:
«Самыми длинными ка-
чествами в человеке и считаю доброту, искрен-
ность, отзывчивость, сме-
лость, честность и спра-
ведливость».

Нина СКОПИЦА:
«Лучше начать свой жиз-
ненный путь. Пусть мои
дети его повторят».

Алиса ТИМОФЕЕВА:
«Составляя семью —
это здорово! Но я и
мужик: мама и я.
Мама работает старшим
инженером...»

Таня ЧУДИНА:
«Я очень люблю нашу
русскую природу и не
могу представить мир
без нее, без стойкой
красивости березки».

сүти и по абсолютному большинству) производи-
тельной силой страны.

А дальше — вопрос о жилищных условиях десятиклассников. Возникли они после того, как я увидел школу. Светлое пятиэтажное здание (здесь занимается 1 000 человек). Фонтан и микрорайон в первом этаже. Спортивный и кинозалы. Кабинеты труда, оборудованные токарными и слесарными станками. Школьный «пекх». Школа дает ученикам многое, но не все — ведь здесь они проводят лишь третье часть суток. Две трети — дома.

Так вот, нет ли разрыва между условиями для учебы и жизненными условиями? Как полу-
щительно перепроизвести слова десятиклассников, «бытие определяет сознательность». Что же, как показал опрос, разрыва нет и «сознательность» должна быть наименее: 31 семья жили в отдаленных квартирах, лишь одна — в коммуналке (общей), но и та готовится к новоселению.

Дальше — вопрос о жилищных условиях. Я кончил школу (тоже московскую), тоже в рабочем районе) 20 лет назад. В нашем десятом классе было 28 учеников. Лишь двое жили с родителями в отдаленных квартирах. У остальных семей была

комната, в лучшем случае две, в многочисленных коммунальных квартирах.

ЧТО СТОИТ ЗА АТТЕСТАТОМ?

Задумывались ли вы всерьез, что такое аттестат, выдаваемый семнадцатилетнему гражданину нашей страны по окончанию школы?

Общество нужны хорошие специалисты, но это должны быть люди высокой нравственной закалки. А как же быть, если в семнадцатилетнем возрасте и аполитичный юродит оказывается на соседних ступеньках беспомощности. Однако если уровень знаний в аттестате с относительной точностью выражены оценками по отдельным предметам, то общественная ценность молодого гражданина, оставшегося за спиной школьного порога, остается в этом документе, увы, неизвестной. Чувствуя эту уязвимость аттестата, школа прикладывает к нему характеристику выпускника порой весьма беспамятную. Вопросы десятому «Б» я попробовал восполнить этот пробел в давнем конкретном случае.

Итак, 30 из 32 десятиклассников — комсомоль-

цы, все выполняют то или иное общественное по-
лучение (некоторые без них, как они выражаются,
«не вылезают из рук»). Но вот проблема: в ос-
новном это помощь в занятиях младшим товари-
шем (РВО). 524-я школа строит воспитательную ра-
боту по принципу, рекомендованному в свое время
замечательным педагогом и писателем Антоном Макаренко. Ребята в РВО объединены по месту жи-
тельства: скажем, в одном отряде — соседке по подъезду в доме, членов 10—15. Старшие помо-
гают младшим, младшие учат старших, призыва-
ют их к самостоятельности, младши призыва-
ют к организованности.

Самостоятельность в решениях — качество, уже сейчас необходимо семнадцатилетнему. Я спросил их: был ли в вашей жизни поступок, который под-
нял вас в глазах окружающих? В основной «не
было», «не знаю», «не помню». Пожалуй, в этих словах я уловил склонность скрывать. Поэтому что те, кто «спомнился», рассказали истории достаточно-
го показательности.

«Наверное, когда мы с другом заступились за дешевушку, к которой привязался пытливый парень».

Рисунок Марии ПИНКИЕСВИЧ

ром, стоял круглый раздвижной стол, накрытый полизтиленовой скатертью с зелеными полуторсторонними розами, четыре стула с матерчатыми спинками аккуратно приставлены по четырем сторонам стола. Вход в другую комнату был задернут вышитыми шторами — они покачивались, словно там кто-то ходил или неосторожно дышал на них.

Васька, шутливо прищелчнувши, опустил бутылку в центр стола, Игорь, покосившись на шторы, вытащил из кармана вторую бутылку и поставил ее рядом с первой.

Из кухни выглянул Макар Игнатьевич с растрепанным красивым лицом и замахом своим болтающимися руками — парни поняли, что им предлагают сесть. Они отодвинули стулья. Хозяин занялся горячо, одобрительно и, прорубившись что-то в смущении, странной притиркой, на цыпочках прошелся к шкафу. Набрав торогу одежду, он убрал из шкафа коврик и коврик, ковровую подушку и вскоре покраснел оретый по всей форме — в kostюме, в белой рубашке и даже при галстуке. Вслед за ним важно вышел большой серый кот и стал теряться о ноги с хриплым, роконущим мычанием.

Макар Игнатьевич строго притиркину на кота, словно тот был собакой, но тут же забыл про него и сел за стол, скрестив свои длинные руки на груди.

— Богатый у вас котище, — сказал Васька, приподняв кота за передние лапы и дунув ему в морду.

— Да, кот передовой, — охинто заговорил Макар Игнатьевич. — По мышам проехал рекорд, две нормы за смену заколачивает.

Парни загоготали. Макар Игнатьевич засмущался и вдруг заметил, что на столе стоят две бутылки водки. Руки его взметнулись, он энергично почесал за ушами.

— Хо-х-х! Одна еще куда ни шла, но это, — он замахал перед лицом, словно отгоняя комаров, — не по технике безопасности.

— Лада, погоди не ходят. Две вasca, две руки, две глаза, две ноги, — хохотнул, прутогаторий Васька.

Игорь сидел красный непонятно, как бы светившийся от недобросовестности что-то сказать о себе и о своем. Он тихо скользил сквозь мурлыканье и вслух мог назвать им место — то вяз на стол, то пригнал на колени, то вдруг совсем нелепо подпрыгнул мимо бока, принимая лицом подбородок молодца. Узкий лоб его в глубоких морщинках был покрыт потом. В поту было и нос — круглый, мясистый, с горбинкой.

Макар Игнатьевич поини не глядел на Игоря и весь разговор вел с Васькой, но временно его острый притщуренный взгляд нет-нет да и вспыхивал на миг в млеющемся женихах.

— Татьяна! — вдруг крикнул Макар Игнатьевич и прислушался, вытянув щеку.

— Чего? — глухо раздалось в соседней комнате.

— Поди сюда! — строго сказал Макар Игнатьевич.

— Ну? — Шторы закопыхались, но Танька не вышла, осталась за ними.

— Дай-ка нам закуски, — попросил Макар Игнатьевич, — капустки, огурчики, брусничники. Колбаски нарезь разной. Стаканчики не забудь. Люди пришли, не видишь?

Танька шагнула из-за штор, резко, внезапно, и прошагала вдоль стены быстро, махнув щеками, как бы механически, со строгостью, твердым лицом. И прыснула глазами.

Макар Игнатьевич закурял. Гости тоже потянулись за папиросами. Тихая, томительная тишина воцарилась в комнате. Васька нацирия под столом ногу Игоря и пнул по ней. Игорь вздрогнул и, словно очнувшись от дремы, сказал:

— Позвавчер в картину ходил, «Тайны фермы» какое-то. Не видали?

Макар Игнатьевич мельком взглянул на него и кивнул Ваське:

— Мур. Чему мы молодежь научим от такой картины! — Он разогнал перед собой табачный дым и снова обратился к Ваське: — А про тебя говорят, будто ты погиб в будущем водишь, прямо во время сеансов... — И добавил уже без всяких сомнений: — Это нехорошо.

— Все люди! Все люди! — крикнул Игорь, искренне воззрение, заскрипев. Васька! Я воню! В будущем! Во двоих! Во-первых, не вожу — они сами ходят. А во-вторых, чего мы в будущем делать? Строкот, жара, никак раз дымку поддается, да и неудобства. Что, хаты нет, чтоб я? Я, Макар Игнатьевич, с этим делом завязал: уже десять раз мог бы жениться и развестись, а все держуся. Вот дружина отдана, тогда и сам. Верно, Игорька?

Игорь засмеялся — хрипло, отрывисто. Вслед за ним засмеялся и Макар Игнатьевич — тоненько, елейно.

— А что? Не найдется для меня невесты! — заскрипев Васька, оглядываясь, чтобы не засмеялся тоже: — Ты же не найдешься, — нет, не найдется! — Вот ты скажи! — тихули в Таньку, вышедшую из кухни с тарелками.

— Тебе не спрашиваю блюро, — отбраняла его Танька. — И вообще, она побурявила глазами отца — неинтересные мне эти разговоры.

— Ладно, ладно, — проворчал Макар Игнатьевич. — Сала нарезь и лук. Оно принесла сало и лук, торопливо, кое-как расставила закуски и засобрилась уходить.

— Ты куда? — спросил Макар Игнатьевич.

— К Любке, — ответила она на прихожей.

Правильно, или проветрился.

Макар Игнатьевич разлил водку, поизкуратнее разместил на столе тарелки с закусками, разложил вилки и, когда хлопнула дверь Таньки, поднял стакан:

— Хоть я вас и знал раньше, но все же так были не очень знакомые.

Теперь вот, как говорится, с визитом — личный контакт будет. Ну, за знаешься!

Парни мокнули с ним по очереди, сначала почитительно Игорь, за них весело Васык. С все трое выпили и торопливо закусили — так, не для еды, а лишь бы сбыть жаркий синевший дух во рту.

— Башу Татьяну мы знаем и уважаем — Васык прижал руки к сердцу и отвесил поклонок, чуть приподнявшись из-за стола. — Девушка серьезная, ни с кем ходить не собирается, не макается, ноги не заголят. Работающая, честная девочка. Согласен мажет, гостей принять. И вообще виделася девушка.

Макар Игнатьевич кивнул.

— Я хоть и отец, а худого о ней ничего не скажу, — важно, с гордостью сказал он, и перекладывая чайную, добавил с кривой усмешечкой: — Конечно, то гонится за выездкой, с тем разговора у меня нет и быть не может.

Татьяна кивнула Игорю, а Васык сказал:

— А нам выездки ни к чему. На выездку — больно много охотников. А потом, если что, об нее посудить будешь?

— Мурдэр! — подумал, изрек Макар Игнатьевич. — Это и моя психологика. Я так думал: красавица не для жизни, для мороки берется. У красной об себе — красной об тебе — я постараюсь, чтобы тебе не было фигуры. Знаю, что дружки фронтовые оба на красавок мечтают, жизнью промелькнула, теперь такие страпотаицы, а претензии, как и раньше. Умоляй!

Макар Игнатьевич налил сока, и Васык тотчас поднял свою чашку.

— Давайте мы выпьем за хорошего человека, который родил и воспитал хорошую девушку Татьяну, какую мы ее знаем теперь, и верим в ее хорошую судьбу. За вас, Макар Игнатьевич!

Макар Игнатьевич благодарил по скрепке свою влагалищную грудь и, блеская глазами, уже прямые и откровенно разглядывающие Игоря, Игорь, с красными щеками, взлохмаченный, улыбающийся, расхрабрился настолько, что не вытерпел и сквозь зеркало Васыка:

— Я тоже на вас не могу. Извините за бесполезность моего визита. Стараюсь, как бы доказать справедливость своих чувств к Макару Игнатьевичу, Игорь одним махом, без передышки выпил стакан водки и только крякнул, обтерев губы ладонью.

Макар Игнатьевич гордо и одобрительно ульбнулся. Его круглая пышная голова покачивалася на тонкой шее, глаза чуть не слипались, до того он щурился, и вообще весь он был покос на китайца, что когда-то, в прежние времена, ходил из-за кордона с торговыми лотками на животе.

Но гости, ни хозин почти ничего не ели — есть было некогда, надо было говорить. Говорили не торопясь, не перебивая друг друга, говорили двое: Макар Игнатьевич и Васык. Как два солиста на каких-то странных соревнованиях, они друг друга, друг другом — еда — замолкли один начиная другим. Коллегиство, бутылка за бутылкой, Макар Игнатьевич начал перечислять вещи, какие даст за дочкой, клопуном входная дверь, и из прихожей донеслось: «Ахах!» Макар Игнатьевич посмотрел перед собой пьяными радостными глазами и громко, громче, чем следовало, прокричал:

— Маты! Гости дорогие у нас!

Жена его, Вера Прокопьевна, выглянула из темной прихожей, сощурившись на свет, и увидела парней, настороженно прогнувшись:

— Чего? Дорогие? Смотри ты, драгоценности какие!

Она засмеялась, и слова в том ее сошли за шутку. Зато столом тоже засмеялись. Она сняла пальто и вошла в комнату, низенякая, румяная толстуха, круглоголовая, ражими гладкими волосами, всесущенная, белозубая, кареглазая. Одна рабочая бутылкером на маскономбинате и нередко допоздна за-деркивалася на работе.

Макар Игнатьевич весело взмахнул руками, как бы исполнил ими какой-то замысловатый танец.

— Стакан тащи — дочь сватают!

Вера Прокопьевна сделала вид, будто вроде бы удивилась, но тут же придала лицу выражение, которое можно было выразить словами: «Ну что ж, и наша доха не хуже, чем у других». Они почти так и сказали:

— Ну что ж, давай знакомиться, коль пришли.

Игорь поспешно поднялся, скрепяструя ступами. Лицо его пылало. Потушился, он уксину тер ладони о ладонь и сильно покашливал. Рядом с ним вскочил Васык:

— Мой друг Игорь Андреевич Макарычев — славный мастер забойного цеха.

Да уж знаю, знаю, каждый месяц дважды зарплату выписываю, — журчали, неестественным голосом сказала Вера Прокопьевна. — Ах, бухгалтерские, хоть вас и не видим, а все про каждого знаем. Через зарплату все видят, весь человек как на ладони.

— Ну, и чего там про него видно? — шутливо спросил Васык.

— Ну что видно! Видно, что серзеньные парни: исполнительных листов нет, премии каждый месяц, без удержаний, идут. Не прогуливают — вычетов нет. А по рационализации ни разу не получали. Налог за бездействие вычитают. Вот вам и анкета. Не так, что ли?

— Ахах! — засмеялся Игорь.

Она поднесла руку, чтобы отшупить ее так, что Вера Прокопьевна окнула.

— Короткий паперти — оплюнув на стол, решительно сказал Макар Игнатьевич. — По всем статьям!

— О-о-о... — пропела Вера Прокопьевна, изобразив удивление, словно только что увидела муху, — а ты умеешь хорошо.

— А как же! Я всегда хороши... — Он снова потанцевал руками. — Давай стакан, выпьем с нами.

— Ну, уж по такому случаю!

Она склонила на кухню, принесла гравийную рюмочку. Ее стали уговаривать выпить из стакана — побольше, но она твердо отказалась, и ей напали в рюмку. Остатки водки выпили «за матерей». Поговорили о погоде, что не было еще настоящих морозов, о том, что меньше стали пригонять скота на комбинации, что не дают ему отдохнуть, поправляя вес, а гонят без передышки в забой, что неинтересные картины стали завозить в бой — в том о сам, и парни поднялись из-за стола.

Когда гости ушли, Вера Прокопьевна устроила мужу подобный допрос и попросила его не будь труда выглянуть из него все, о чем они тут без нее говорили. Макар Игнатьевич курился, ломая дурака, кашнил еще выпивку, говоря, что дочь его и кого от него, за того и отдаст ее. Вера Прокопьевна постепенно пошла на компромисс, на него, чтобы ложись спать.

Почувствовав твердую власть жены, Макар Игнатьевич сразу схис, размык и, как послушное дитя, разделся и улегся в постель. Вскоре он захрапел на

всю ивановскую. Вера Прокопьевна взялась за посуду. Тут вернулась Танька, усталая, грустная, и стала помогать матери вытирая тарелки. Потом они сели за стол. Веру Прокопьевна достала из шкафа мешочек с кедровыми орешками и сыпнула горкой на стол, прямо на кленки. Орешки были свежие, осеннего сорта, крупные, чистые, чуть прикальные для сухости. Вера Прокопьевна присялась щелкать — быстро, аккуратно, деловито. Танька сидела наступившая, с краинки тарелки.

— Танька, выша нос!

Танька вздрогнула головой на стол и разрыдалася.

— Ну вот — недовольно сказала мать, отшвырнув орешки в кучу. — Чего ты? Тынички причин не реветь? — Она подождала немного в надежде, что дочь успокоится, но Танька все каталась головой по столу и всхлипывала. Тогда материнское сердце смягчилось, и Вера Прокопьевна обняла Таньку, горячо прижалася к себе.

— Ну, ну, гуцуши, чего же ты ревешь? Ну, успокойся, дурочка, никто тебе не тронет. Ну...

Танька затихла в ее руках, обмякла, — и вдруг, с силой всхлипнув, — хлюпая носом, сказала она.

— Ухом! Кудат? — — тяжелым разводнющим голосом спросила мать.

— Хоть куда. Прощу тебя, умоляю.

— Не говори глупости. — Мать отстранилась от Таньки — глаза строгие, чужие. — Тут родина, работа, квартира вон какая. Да и отца не отпустят.

— Подумашка, незаменимый! — фыркнула Танька.

— А чего? Ты отца не суди, мала еще. Он хоть и занудистый, а работает честно. Уэмакорт его, считается.

— А я тут жить не могу! — точко-точко как отец, взывала Танька. — Обо мне-то почему думаете?

— Думают, и об тебе думают, — возразила мать. — Всю нынче позорину из-за тебя. Тынички, что ты, конфеты, проститутки, никотино, апельсины, по корю питья бурбон. Попросила отложить этот размер. Завтра склони в первые, посмотрим. Шаль тебе свою подарю, маленькая была, все примеряла. Туфли новые купила. Будешь у нас не тухе других. Ну, ну, поди умойся, а то, говорят, от слезинок морщинки бывают.

— А мне начинать? — сердито и упрямко сказала Танька.

— Не скажи. Тебе надо следить за собой.

— С чего это теперь следить?

— Как же, засватанная. Сходи завтра прическа сделай. Может, завьшься?

— Ой, мама, и ты туда же!

— А что? Время, доченька, время твое подходит. Мы стареем, ты в невесты выходишь. Тут уж ничего не попишешь. Раньше, когда я была девчонкой, она не была — не выигрывала. Принимал да разговаривал, потому как в наше время женихи не разбрасываются. Вот так, доченька моя родная. Кэнзин — она только в книжках да в кино по любви устроена, а в натуре зачастую на привычко да на взаимном уважении держится. А хорошего человека и побояться недолго. Ну, что хмуришься?

Танька сидела молча, надув губы, глядя в пол на волну бегавшего тарелки. Кот, растянувшись вдоль печи, лениво следил за ним, видно, животик эта забавляла его, но не настолько, чтобы кидаться за него на теплого месчтника. Таньке было грустно, тоскливо. Как-то по-новому, осттро, чмекающе склонялась она к своему коту, это тоже показывало, что она не одна. Мать тут приросла к этому месту, и этому притом к месчтнику, к которому кашевором сокатком, как в этом ветре, к этому зверю, училико послези. А ей, Таньке, хочется иной жизни, хочется походить по свету, побывать в Москве, на коте, увидеть море, походить по тайге, слегать на самолете куда-нибудь — ведь она даже не видела «животного самолета!» В кино только до пообрааини из книжек. Но главное не в этом — в другом. Она думает по Николаю Лугощинки, Любогона брата, студенту геологоразведочного факультета. Он встает перед ней — стройный, белокурий, улыбающийся, с такими же, как у Лобы, голубыми глазами, тонкорукий, длиннолицый, обходительный. Он всегда был добрым, вечно подшучивал, смелясь, со всеми был «кошарешем», ничего не видел и не добывал, ничего не хотел. Никто не знал, даже Любя, замкина подружка, что такое жизнь, пока не появился Танька. Танька — Коля Лугощинки. И теперь, думая о нем, Танька живо вспомнила, собирала по краям события жизни, когда она была с ним рядом. Теперь он в институте, в областном центре — два года не позывалася, пишет, летом — практики, к зиме — денег нет туда-сюда раскатываться. До магистранской станицы двое суток да от станции ветка — стоя с линзами километров, поезд раз в сутки ходит. Да разве деньги и трудности пути — помеха! Кабы что-то было у него кней, без денег бы добрались и времени бы не покажал. Вон как у людей выывает: мульж-жен бросают, моря-горы пересекают, пустыни ползком перебираются, ядом травятся, на кострах горят. «Эх, неувезжавая я», — думает Танька. Ее становище в городе, где она вспомнила последнее письмо от Николая, которое на липовой почве писалось к Любя, и слава надежда снова начинала толпиться в ней — ведь никого большего не было. Вон как Николай в погоне, а ей, Таньке, — персональный прият «кем бы это?» — тягуче и устало думает Танька. Она уже не силах бороться с драмотой, и мате, задумчиво щелкнув орехи, дурил говорит:

— Да ты же совсем спиши, доченька. Утро вечера мудренее.

Танька сладко зевает, цепует на прощание мате и, соняя, бредет в свою комната. Мате расстягивает ей постель, помогает стянуть тесном пластиночко, и Танька без сил валится на кровать. Мате укрывает ее, подтыкает с краев одеяло, гасит свет. Танька уже спит.

С этого вечера Танькина жизнь наполнилась тревогой и ожиданием. Игорь ежедневно так или иначе попадалася ей на пути и всякий раз пытался заговорить, но она убегала со страхом и смятением на сердце. Родители помалкивали на счет замужества — ждали. Но что-то вокруг нее и в ней самой, она что-то чувствовала, менялось с каждым днем. Мате купила ей обещанную кофту и туфли, отец перестал кричать на нее и однажды ни с того ни с сего дал ей десертаки, чтобы купила себе что понравится. Да и сама она почему-то не противилась ни этим внезапным и щедрым подаркам, ни странному, непривычному вниманию родителей.

Наконец наступил день, когда заявился Васык Пятунин, как поняла Танька, за ответом. Ей стало страшно. Она тотчас оделася и, несмотря на ворчание матери, ушла к Любя.

Вернулась она поздно. Опять не выспится, зато наговорилась вдову, здешнюю отеля — такая уж Любя подружка, все понимает, всегда готова помочь. И по-

В детстве мы нравились раскручивать школьный глобус и смотреть, как, вращаясь, становясь, сливаясь в одно неразделенное мери-домы. В какой-то момент мы смотрели на берега глазами моря и океана, материки и дальнние острова. Однажды, закрыв глаза, я наугад остановил вращение глобуса. Под ладонью лежали коричневые горы. Они начинались у самого Педовитого океана и продолжались

чуть ли не до Аральского моря, тянулись где-то к Аренбургским степям, на юг — к востоку, юго-западу, гольбые реки, «Уральские горы» — разочарованно проплыли в название. Оно не обещало мне никаких чудес, откровений или чудес. Он называлась близкими, «каким-то домашним», эти старые горы. Другое дело — какая-нибудь Амазонка или на худом коне Миссисипи. И в гладионоврове крутил глобус дальше...

Сколько же лет миновало с тех пор, а все тот же глобус, эта подложка из пленки, вспоминается со страхом. Как будто я предал в чем-то Урал. Впрочем, что же такое в нем знал тогда кроме школьных программ, дававших кое-какую лицу уму и почти не трогавшие душу! Да, помалу, ничего больше. Романы Мамина-Сибиряка,

КАМЕННЫЙ ПОЯС

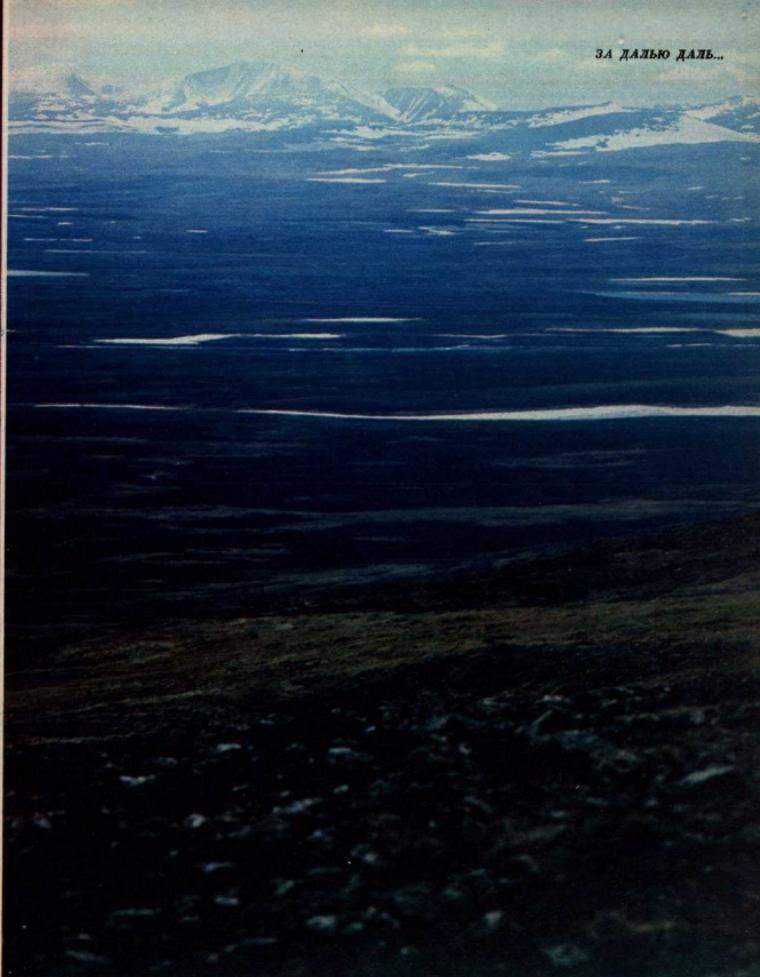
Юрий ЛУШИН

Геннадий КОПОСОВ,
Сергей ПЕТРУХИН,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ [фото]

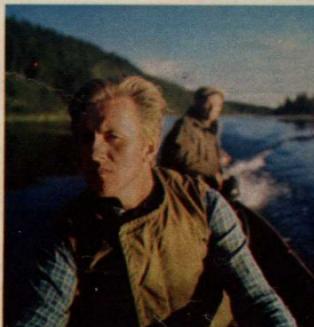
изны Бажова и некоторые другие книги были прочитаны многое позже, гораздо километров уральских дорог «захожены и изъезжены» тоже позднее. Интересно, подумал я, что сейчас может узнать о нем современная молодежь, появившись ли в печати за последние время что-нибудь заслуживающее и значительное об Урале, кроме-будь книг, застывшие более полувека назад на полках собирательством и спрашиваться куда-нибудь на Чусовую, в Кунгур, или в горы Печоры, или еще дальше — к Шугору? В библиотеках нового, к сожалению, ничего не обнаружил. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, сейчас

МОДНАЯ ИНДУСТРИЯ — ГЛАВНАЯ ПРИМЕТА УРАЛА.

выходит так много книг, что уследить за всеми новинками просто невозможно. В таких случаях я был бы рад своей ошибке.

Так что же все-таки мы знаем о драматике Уральских горах? Мы знаем, что сама уральская литература, челябинцы, первики! К величайшему изумлению моему, убехнуться приходилось не раз — немногого. [Впрочем, удивляться не удивлялся, а в больших городах люди всю жизнь могут прожить в соседних подъездах одного и того же дома, но так и не познакомиться друг с другом.] Есть, конечно, люди, влюбленные в свой край, великолепно его знающие, и сча-

МАСТЕРА.

ТЯЖЕЛЫЙ ФОЛЛАНТ БУДТО НЕСЕТ ГРУЗ ВЕКОВ.

НА КРАСАВИЦЕ ВИШЕРЕ.

сть выпадает вам быть им попутчиком по путешествию. Да и сказать, велик Урал-батыр, ощущение этого с на-
сажду до места, время надено и
любовь к дороге. Но кто что оли-
цы побывает на его перевалах, кто
увидит нетронутую природу, выловит
хот раз из своей жизни харуса в та-
инственной таинской реке, пройдет по
Чусовой на байдарке, коснется тайи
Кунгурской пещеры, увидит потряса-
ющей красоты уральские здаки, тот
обязательно вернется сюда снова. В
последние же годы стало модно уез-
жать в Европу, но не забывая о родных
местах, а то и вовсе в другую страну.
Удивляться только приходится, как
часто, дань и в зрелом возрасте,
мы тешим себя иллюзиями и как дол-
го не можем понять скрытой проклятии
по поговорке: «Лучше всего там, где
нас нет». Не могу показывать на
карте, сколько городов и деревень
разбросано, но такого, как горы Ураль-
ские, нет больше места в России, да
и в целом света нет. Лишько по па-
мяти страницы великой каменной кни-
ги и будто иначе путешественное по
Уралу. Вот несколько странничек...

В конце января в рядах любителей
зимнего туризма начинается броже-
ние, все чаще повторяется магическое
слово УРАЛ, и в первое Февраль-
ское воскресенье из них, словно
прорывавшись из темноты инготами,
вдруг оказываются на лесной полянке
в нескольких десятках километров от
Свердловска. Ворочем, есть и маг-
нит — посередине поляны каменный гра-
нитный столб, с одной стороны кото-
рого выведено — Европа, с другой —
Азия. Тут только и вспоминаешь хре-
стоматийное: по Уральскому хребту
проходит граница между двумя кон-
тинентами. Что когда-нибудь произошло
здесь? Кто когда-нибудь стоял эти
традиционные сплошные стены тури-
стов в пограничном столбе! Я, во всяком
случае, знаю о них лет пяти-
дцать. Неподалеку от столба момен-
тально, будто по-щечку велению, возникает палаточный городок. Место
для него выбрал, кажется, сам Бе-
рендей. Щеголики-сосни в сверкаю-
щих мантиях окружили городок со
всех сторон. Деревья то разбреда-
лись, то об стороны границы, касаясь
друг друга, то смыкались в крепкие
атавии кудесника Деда Мороза, то
вновь склонялись в тесные группы,
шушикались о чем-то своем, и тогда
невозможно было разобраться, какая
из сосен европея, а какая азиатка.
Иногда между ними возникали белые
полянки, на опушках которых выбре-
дам тонкие светлые березки в кур-
люхах и пестроках. Снегурочки. Они
занялись спором на кончике кры-
сости. Танклистские следы пересекали
полянки и вели к белым призракам.
Ненароком задев один из них лыж-
ной палкой, я нарушил очарование
сказки — под прищурившимися снегозы-
ми щёдрами оказался обычный куст.
Прозал Верить в нее не хотелось, и я
поспеша отстрочил, что ли не затяну
длинную историю белую белую сказ-
ку. Тут и там слышались голоса, и
мокрые следы разбрелись по всему Бе-
рендееву царству — туристы соревно-
вались в ориентировании на местно-
сти. Замечали ли они оружиющую их
сказку? Оказалось, замечали. Нович-
ки у вечернего костра просто иско-
дили взами и охами старожилы, гля-
дя на них, только мудро улыбались.
Тут костра стояла возник целий
университет, а также пингвины. И это
занесли бы, наверное, по машины
мере год учебы на географическом
факультете вуза. За один вечер я уз-
нал об Урале больше, чем за все го-
ды до этого.

Летом вновь приехал на то же ме-
сто. Пахло сеном и нагретой хвойей,
цвели ромашки, в траве стрекотали
кузнечки. Пограничный столб казал-
ся выше, на нем сидела какая-то пти-
ца, и, переходя из Европы в Азию, я

невольно спугнул ее. Птицы мало тро-
гали условности, придуманные людь-
ми. Гнездо она сняла на дерево, на
стороне, корм летало не из европ-
ейской. На дорожке остановился автом-
обиль. Пассажиры спиритно копыгали
на траву и привились, словно дети,
пересказывая через затянутую верев-
ку из Азии в Европу и обратно. По-
том дружно сфотографировались у
столба и покатили дальше. «Сколько
таких столбов по Уралу» — подумал
я. Но ведь было время, когда сама
граница между континентами прохо-
дила сквозь горы. Столбы же, как люди,
всобще недаром были суще-
ствованье Уральских гор. «Отец истор-
ии» Геродот, например, проводил
границу по реке Дон, потому что дру-
гих земель за Доном великий грек
просто не знал. В Западной Европе
Урал знал в средние века под именем
Покс Мира. Удивительным образом
он оправдал он это имя насколько
всего существует Средний Свет. Столб
отстоявал в очистительной станице с
фашизмом не только свою свободу,
но и мир на всей земле. Победа ко-
вала здесь, на Урале, и в кончине он
был Поксом Мира, оплотом мира. И
теперь на площадях империи ураль-

ских городов стоит на пьедесталах
местные памятники боевые легендар-
ные «тридцатьчетверки», безмолвно
напоминая, подстерегая, всегда
уверенность.

Ходил я по Нижнему Тагилу и думу
давался — до чего же щедра память
ми земли уральской! Еще в детстве
мы все слышали, конечно, что в 1800
году наш соотечественник крепостью
Ефим Артамонов построил первый в
мире двухколесный велосипед. В ме-
сяце позади я увидел эти неуклюже
но нынешним меркам машины с ог-
ромными передними колесами и пыта-
лся представить, как он ехал на ней че-
рез всю матушку Россию в Петер-
бург, а затем еще и в Москву три
тысячи verst. Если и теперь мы недо-
вольны бывшим качеством наших до-
рог, то тогда их, можно сказать, вообще
не было. А он проехал, и это была
лучшая реклама его изобретению,
которое, кстати, заслужило премии
шадей не пугать. Другой самоделок,
тоже крепостью, Егор Кузнецов, изо-
брел непрерывный прокатный стан,
передав современную ему технику
почти на сто лет. Сконструированные
им же музыкальные дрошки, которые
находятся теперь в Эрмитаже, при
движении испытывали 22 мелодии, а
потом, как вспомнил сам изобретатель,
«закрывали глаза и спали» [он не
знал спидометра!]. Талантливый гидро-
техник-самоучка Климентий Ушков по-
строил канал и целую гидротехничес-
кую систему, которые обеспечивают
водой Нижний Тагил и в наше время.
Федор Шептев изобрел листопрокат-

ную машину. Степан Козласов-
штаптовый. Умельцы Ефим и Мир
Черепановы, памятник которым на-
ходится в центре города, построены
в 1834 году мелезнную дорогу и пирсы
в России, пирсов, который возви-
ден с Медного рудника на Высокий з
вод. Приятно сознавать, что в на-
шем времени не оскудев Урал талан-
тами. Но Ураловизионе я позна-
мился с удивительным человеком
старшим, которого звали Ефимом
имени Степана Яковлевича
Барином, Героем Социалистического
Труда. Ещё старого способа бу-
теровки электропечью отгнуори-
чилися он предложил новый и
тот, благодаря которому печи непре-
рывно работают теперь не две неди-
ли, как раньше, а в среднем
семь — десять лет без остановок
и холодной ремонт. Барин ездил пер-
едать свой опыт студентам из
Вашингтон, Чикаго, в Париж, на
воде ЧИД печь номер три назы-
вается чеславско-советской дру-
бы. Кто-то назвал футеровку Барин-

«вечной», и, право, тут мало преувеличения.

«Рабочие руки все могут! Кое в сороком соумят, кое по кропотинам скобут да маккоюю прогладят — вот и видят камень небывалой радости. Всему миру на диво, и не полученье — тоже», — писал об уральском мастерстве Павел Бажов. Да, рабочие руки все могут. Когда любуюсь я на Красной площади рубиновыми звездами Кремля — символом страны родной, я вижу Урал. Когда восхищаюсь в Эрмитаже одним из высших достижений зоснанского искусства — знаменитой, неподражаемой по размерам [площадь 19,5 кв. метра] картиной СССР, выполненной из уральских самоцветов, я

знако: это тоже Урал. Мощные шахты, гающие экскаваторы на угольных разрезах — Урал. Отгромные стадии с машинами и приборами на строительстве гидроэнергетических предприятий — Урал. Уральские циклопромышленные ленты трубоизготовления, по которым текут реки нефти и газа... — Урал. Серебристые лайнеры из уральского алюминия, четырехцилиндровые двигатели, поднимавшие цепи гусеничных тракторов, поднимавшие цепи грузовиков, которых не страшны ни бездорожья, ни скверные акустические морозы... — все это тоже Урал. Да не только, также веяц, которую бы не делали рабочим рука Урала.

—Сижу на берегу ютного озера смотрю, как отражается в его воде синь неба, белые облачка-странные горы, заросшая щетиной елок. Утром Тишина. Щебет птиц и шум листьев не в счет. Они есть та тишина, от которой

рой яиц, детей города, давно отвя-
ли и по которой таинственным Кри-
зисом горного хрустала сыпет се-
мьи, пахнет розами, словно родит-
мень, редеют згоды земляники, воню-
котано и неизменной голубоголоватой дым-
кой, как будто смотришь на пейзаж
сказки, редчайший, замечательный
красоты — самочтят — эпизод [также]
каменеет во всю историю поникших
гор, вспыхнувших в огне на Урале его падишата]. Кри-
зис, Кризис, Кризис, Кризис, Кризис,
появляет она меня за собой, как Ди-
нилла-мастер из сказа Бахова, и он
кроется в камни дарить тайных в под-
земные короли красоты неофитуясь
мой... Озарование утра было стре-
зевлено, что помимо своей роли в о-
дном из них ничего особенного не
видел. Солнце белым струйками
проступали сквозь стебельки
другого города. Гора, стоявшая в
одной из окон, озера, да городов
своих — Каиншар, что называлось
«справштасией» клада. Имя это обеща-
ло какую-то тайну или легенду, и мы
желали покорнее узнать ее.

О существовании клада люди подозревали давно, по крайней мере еще два века назад. Уже тогда ведомо было рудознатцам, что есть в глухих ме-

стах Урала гора, которая притягивает к себе сапоги кованные, шагу ступит не дает обладателю. Смекнули тут что в чешу, искать начали и обнаружили выходы железных руд. Обрадовались, конечно, шотландцы в глубь горы быть стали. Но вот чудо: на первом же месте, впереди склонов, в потоке из воронки, всплыло чистое золото. Сколько ни пытали счастья, сколько ни былись, результат все один. И отступились тогда от горы люди, махнули на нее рукой, ушли на многие десятки лет из этих мест...

Вероятно, Бажову известна была эта история, поскольку отзвуки ее видны во многих его сказах. Впрочем, почти всякое место на Урале овеяно легендами... Хозяйка горы открыла дорогу только советским геологам, хотя и им спрятавшийся клад не сразу дался в руки. Видно, испытала она хотела, что за люди тут слова повинились, какая корысть их ведет, но, увидев радение их для Благодати Родины, смилостивилась, сняла с клада замки запретные.

ли в этих местах чистейшую, магнито-
метрическую съемку, и обнаружилось
что в зоне Канавинской только сама гора
Канавин, но и окружающие ее склоны ока-
зались полихромной железной рудой.
Она, правда, оказалась не столь богатой
по содержанию [всего-насвего до
17 процентов железа] и требовала обогащения,
зато запасы фантастиче-
ские. И тогда вырос здесь еще один
горный на многие карты пока еще и не
нанесен. Видно, остается в наши времена
география от жизни.

День разгорался. Утро неумолимо упивалось в прошлом. Оно никогда уже не повторится. Будут миллионы и миллиарды других утра, но такого уже не будет. Я знаю, оно оставил во мне многое, что я буду помнить, что я буду жить и другим, даже если придется быть... сама жизнью. Я осмотрелась вокруг. В мире ничего кроме не изменилось. Так же стояли сосны, трепетали листвистые березки, то же небо опровергнуло над землей. Только явственне стала аромат трав, солнце нагрело их, высунуло роту. Премы день, ушло утро. Ничего не изменилось, так было и так будет. Но я не могу жить во времени, под волнистыми мордами плавающими утрами. А всегда я скажу, замечая мое неповторимое в природе, часто ли встречаемся, спрашивая с себя мелкую заботы, с красотой родной земли не по картины художников, а вот так — лицом к лицу! Наверное, можно бы и чаще.

Я поднялся с камня, на котором сидел. В ярком свете дня горя, казалось мне, умываясь в раздорах. Трудно было уединиться в раздорах, и я спустился вниз к Канакану. Я сел в лодку и поплыл через озеро и горе. Сульба ее предупредила, что философствовала я по пути, люди разберут ее по кусочкам. Со временем она совсем исчезнет с лица земли, превратившись в некий скопление количества полезных вещей — машины, игрушки, станины, гвозди, может быть, даже в камни — детали космических кораблей. Только жаль верить, что в мире Нашего Господства нет других железных гор, к ним не превратятся в пушки... Лодка подогорна блинке, и Канакан на глазах увеличивалась в размерах. У подножия его я не мог уже охватить всю гору одним взглядом. Она оказалась больше, чем ожидалась вначале, и на вершину я поднялся узко после полутора. Далеко внизу на карьерах горно-обогатительного комбината двигались игрушечные машины, а внизу, в темноте, горели такие же тепловозы с рудой. Истинные их размеры угадывались издали лишь по призывке. На юг и на север, на склонко хватал взгляду, от самого горизонта.

ризонт тянулись мягкими, сплаженными очертаниями увалы, гряды и вершины Уральских гор. Там, вдали, они тонули в синей дымке. Кто знает, какие еще клады прятут горы от глаз наших, какими они обитают?

«Вот уж третий час крутят винты на Ми-4, открывая горизонт за горизонтом, и за каждым из них все то же зеленое море тайги. За это время мешмуга висит горой над домом — то ли поселок геологов, то ли лесной кордон, да один раз спутники медведя, с невероятной быстротой помчались вперед, пересекли горизонт вертолета. Еще, вероятно, показалось, что таракан и ревет именно она — тень. Летим низко, хорошо видны даже отдельные деревья. Где-то здесь, на Северном Урале, сливаясь из ручьев, начинается великая северная река Печора. Туда мы и летим. Тут нет других дорог, кроме воздушных, да и те, наверное, забыты. В старые времена, рассказывают, беглых каторжников в этих местах даже не искали. Пустое дело. Человек уходил в тайгу и пропадал в ней на веки, растворялся в диком безлюдье, словно его никогда не существовало.

Вертолет садится на конец на какую-то плашущуюся сопку. Плюская вершина сопки, покрытая кустарником и камнями, при первом взгляде на которые охватывает только одно чувство — растерянность. Из какой-то тоненькой, как бы ненадежной ножки,

бросившой в землю, идолы, постепенно утопаясь к вершине, достигают высоты многоэтажного дома. Спервоначально и ими дано странно подходит. Так и кажется, что сейчас подломится эта ножка и идолы, покатившись, разлетятся на куски. Однако, подойдя ближе к одному из них, я нашел, что описание мон напрасны — ножка не такая уж клипса. Каменные исполнины высился, противнув низкое небо головами, словно бесессия страно седого Урала. Но кто приkazał им тут стоять? Отчего у них столь суровый оттенок? Их головы, словно обрубки этого гопса, неутратил питатель. Зачем и когда Геологи, с которыми я сюда привел, побросав рюкзаки, не утерпели, азартно бросились с молотками на приступ великанов. Рядом с ними люди назывались муравьями, но сейчай именно муравьи были хозяевами помещения. Минут через десять геологи вспомнили забытое брошило куски породы на траву.

— Камушки эти несут тут страшно примерно шестьсот миллионов лет, —

— Их изваяли вечные архитекторы природы — ветер, дожди, мороз и солнце, — добавил друг.

— Они же и свернут их с ньедельной складки, через сто или немногим бо-

льше, — словно судья приговор, произнес третий.

Жаль, подумал я, без них тут совсем голо станет, скротиво. А может

быть, геологи откроют здесь что-нибудь и жизнь забьет ключом! Вернены на эту тему составляют предмет нашего разговора у вечернего костра. Вкусно булькает уха из карниуса, зажинка.

Догорает костер. Расстилаем спальные мешки прямо на прошлогодние ветви черники и заросли карликовой бересклет. Свистит ветер в расселинах камней, и, кроме его свиста, никаких звуков. Безучастно смотрят на нас каменные исполнины. На сотни километров вокруг ни жилья, ни человеческого тепла. И так до самого Боргути.

Боргута вспоминается почечную-то солнечную ночь. Есть что-то фантастическое, даже пугающее в залитых солнцем и абсолютно безлюдных улицах. Полярная ночь. В мертвый тишине не идешь среди ярко освещенных домов, и они кажутся макетами. Вдруг слышишь вдалеке погасший мяч. Счет неизвестный — 15:11, но стороны договорились играть до двадцати. Мягость поболев, созва уходишь в пустоту солнечных улиц. Первый час ночи. У искусственного городского приюда, обрамленного бетонным парапен-

УРАЛЬСКИЕ ВЕРСТЫ.
ГОРНОЕ ЧУДО — КУНГУРСКАЯ
ЛЕДЯНАЯ ПЕЩЕРА.

том, ни душа. Смотрится в зеркало воды антик «Орбелиан» окруженный юртами, заложенными из сиристенных деревьев, способных выжить в здешнем климате. Ивы выкливают в тундре, промежутки и высаживают. Их остается примерно одна из сотни. Но вот уже к тропинки настывают между деревцами, как в настоящем лесу, и даже грибами вроде пакнет. Наверное, деревья тут выражают не легкую доботь и доставить на гору эшелонами вагонами кусистого угля. Может быть, я преувеличиваю, но мне кажется, что дело это так же вяжко, как театры, плавательные бассейны, теплицы, свежие огурцы в любое время года, великолепные магазины, полный комфорт в

квартирах. Все это есть в современной Воркуте, есть, к примеру, заленная роща. А в свое время, когда Воркута только начинала строиться, никакого страхса не было. Говорили, что вечная мерзлота поглотит все дома, что радиосвязь из-за полной непрочности радиоволн наливавшая бесполезно, что из-за сплошных воздушных ям самолеты в здешних местах летать не смогут. Вздор, конечно, хотя норов у материи-природы в здешних местах уж очень суровый. Ветер, ураганы, снегорозы — небо, земля, вода, ветер, снег. Нелепко было людям, однако характер уральский все преодолел.

Стол на горе Минской, у самого начала Уральского хребта. Создатель ничем особенным не отметил это место. Холодные каменные глыбы навалены как попало — природе тут, видно, не до эстетики. С южной стороны склон обрывается в глубокую канаву, то есть воронку, в которой некая-то чахлая растительность, с северной — великанским лопатами мороженой лежит нестыивший снег. Наверное, он не растает до будущей

зимы. Вдали, за Константиновыми Камнями, видна белокаменная мельница, лопатово-белая отчаянной полосы — лед. Там уже начинается побережье Ледовитого океана. Даже не верится, что стоя у самых истоков великой наземной реки — Урала, протянувшегося отсюда на две тысячи километров до самых казахских степей. Здесь, на холодном Минисее, отчетливо понимаешь, как они все-таки велики, эти старые горы, как много в них еще познано. Тут лето проходит и не начиняется, а у горы Минской Урала по-дид готовят уже комбайны к близкой жатве. Как охватить взором эту необыкновенность!

Урал! Опорный край державы, Ее добьчики и кузнецы, Ровесники древней нашей славы

И славы нынешней творец...

Урал! Ты не сказал еще последнего своего слова, да и будет ли оно когда-нибудь сказать! Ты беспределен, Урал, знаю: грядуща твоя слава еще там, за горизонтом.

ОДИН ИЗ ПАМЯТНИКОВ В СТЕНКАХ ОРЕНБУРЖЬЯ.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ КАМЕНЬ — МАЛАХИТ.

К 30-летию освобождения Румынии от фашистского ига

Станислав ПЕТУХОВ

рот Дунай обрушивал в секунду 630 железнодорожных цистерн воды, причем гнал ее по порогам с перепадом в тридцать шесть метров!

Еуджен Геларе, один из молодых рабочих стройки, с которым я познакомился, когда он с друзьями жил еще в палатах-премиерах, сказал тогда:

— Поторопились с называнием... Именно сейчас-то мы и начали воздвигать на реке настоящие ворота из железа и бетона. Ворота, которые будут обозывать более двух миллионов лошадиных сил водяного напора. В те дни их было несколько сот — первых смельчаков-энтузиастов, юношей и девушек в сплавниках, привезенных со всех краев Румынии. Потом рабочие построили гидроэнергетическую стальную растяжку, как грибы после дождя. И вскоре ряды ладенцев комсомольской организации начали исчисляться тысячами.

наддать миллиардов киловатт-часов. 116 тысяч кораблей под всеми флагами мира уже прошли по шлюзом нового комплекса.

На семи холмах у дельты

С каменистой горы, подступившей вплотную к улице города, Тула виден весь, как палауба судна с капитанским мостиком. Правомерность сравнения подтверждает могущая река, которая катит и катят свои волны внизу, вдоль кварталов соленых и привольных песчаных отмелей. Ветер доносит сюда, на вершину, нескончаемые переливчатые каторы и чаек, занавес свежей росы и тростниковых зарослей. Громко умрывают ракушки и раки, скрывающиеся в золотых облаках того места, где единственный поток великой реки дробится на три самостоятельных рукава. Прежде чем попасть в широкие

серые корпуса огромного промышленного холодаильника. К его причалам приходит суда, гужевые морской, оксанской и дуванская рыбой.

— Всего этого еще недавно не было, что называется, ни в窑е, ни в камне... — продолжает рассказ наш собеседник. — «Свободной гордостью» называли Тулчину тогда, где, кстати, средний возраст рабочего — двадцать лет. Ежедневно здесь солят конину, консервируют, превращают в полуфабрикаты десятки тонн рыбы. Предприятие построено в годы первых пятилеток, и с тех пор его мощности увеличивались почти в десять раз. Большая часть продукции идет на экспорт. Оборудование систематически обновляется. Часть его завезена из Германской Демократической Республики.

Коллектив на комбинате спланирован, опытный, — говорит секретарь.

Молодежь разнится на таких про-

ТРИ ТОРЧНИ НА НАРТЕ

«Ворота света»

Мы со школьных лет хорошо помним это название: «Железные Ворота». И в учебниках географии и в книгах путешественников для этого легендарного места всегда находились самые различные описания и фотографии. Известно здесь, у Железных Ворот, где словно сплелись друг с другом Балканы и Карпаты тысячи летчиков — и птицами! — пытались остановить могучую реку, задушить железными кандалами пороги, неодолимо течение, и решим люди поставить плотину с двумя ГЭС на двух берегах — но румынским югославским. Это было в середине 1964 года. С тех пор «Ворота Европы» не дадут основания перенесоменажу. Железные Ворота — Ворота Света.

За годы работы в круизике «Приам» мне не раз приходилось быть на румынском берегу великих стройок, знакомиться с молодыми строителями, записывать рассказы о прошлом, настоящем и будущем этих замечательных дунайских порогов.

Однажды же напоминают старые записи:

Когда-то, в общем-то еще недавно, локомотивы перетаскивали тут корабли по суше: то двадцать часов «карабиками» каждого судна по извилистым остаткам ему подобных — былинам пароходов, не выдержавших испытания дикой стихии и оставивших здесь на корабельном кладбище. Сразу же после первой мировой войны появилась деревянная палуба, на которой в дальнейшем разные проекты улучшения условий судоходства на этом «проклятом небом» участке. Но под сухой подобный план стал только нашим современникам — ведь у Железных Во-

рот что теперь называть главным, самым впечатляющим в этой истории рядового герояизма?

Победы над морозами и бездорожьем первой эпохи!

Милановы кубки, железнодорожники, уложенные теми, кто учился это делать на строительстве замка в станице Базык и Ардзини и в том самом перекрестье, где у них же собственные рекорды в два, три, четыре раза?

Переселение старинной Оршовы со дна будущего «моря», где теперь плещутся синевидные воды, шарахаются корабли и наутро кричат «чайки».

А может быть, для ренессансного поклона важнее цифры, показывающие удивительную трудовую самоотверженность ставшей знаменитой молодежной бригады крановщиков из Молдавии? Ведь это при них сложили друзья песню, рассказывающую о любви, переделывании дубай, и о дубай, переделывании дубай, и о дубай...

Что же, после того, как пришли тогда с их намордниками астрономы, то-пере, поклоняя, кажутся особенно значительными два факта, две даты: 21 июля 1976 года, когда в теле румынской станицы завершились лодочки первого турбогенератора на 330 тысяч киловатт, сделанного в Ленинграде, и солнечный майский день 1972 года, когда на ГЭС ожили последние, шестая по счету турбины, уже созданные румынскими инженерами и рабочими техническим содействием советских специалистов. Эти «статьи» — как вехи в летописи упорного, полного одхозовления труда многотысячной армии добровольцев, для которых мечты и мысли о социализме воплотились в контуры белого колосса на Дунаве. Вдумайтесь в масштабы цифр: сто десять румынских заводов всех уездов установили вместе с ними в «старом» и «новом» гидроэнергетическом соудокомплексе «Железные Ворота», причем двенадцать из них из народной власти в стране не существовало.

А недавно крупнейшая румынская ГЭС открыла для двухэтапного со своего роженицы. За этот срок она для

объятия моря, они разливается, пле-бует непонятную путину проток и озер, о которых с одинаковым восхищением говорят ученые-биологи и зоологи туристы.

Вокруг Тулы — просторы лесов, поймы, где в гигантских зарослях тростника живет по своим законам морских уток, великанов, лебедей и раков. Кажется, время здесь остановилось.

Но новая жизнь властно вторгается и в район дунайской дельты. В рекордные сроки город увеличивает свое население, вдвое, а промышленный потенциал — во много раз.

Первый секретарь Туличинского комитета комсомола Александру Рязанов рассказывает о большом планах по строительству в Туле и учреждении в прошедшие годы о замечательных делах молодых строителей района дельты. Планы эти уже во многом воплотились в жизнь: они открыты перед городом перспектива стать в ряд важных промышленных центров страны.

Мы видели убедительные картины счастья. На окраине Тулы, за забором, возвышается здание Альб-Юлия. Туле ведьно выросло башня современного галиноземного завода, второго в республике. Побывали мы с комсомольским вожаком города и на строительстве завода ферросилиций, что встает по соседству с галиноземом.

Главная улица города проходит рядом дунайских пригорок, где сейчас встали в строку четыре порта, в том числе торговый, способные пропускать 1,4 миллиона тонн промышленных грузов в год. Порт начинается недалеко от здания гостиницы «Дельта». За беломраморными корицами нового жилого квартала виднеются колонны монументального здания Дворца культуры.

Лють левее — только что освободившееся от строительных лесов центральная городская площадь. На ней разместился административный центр Тулы — универсальный торговый комплекс. Там же, на площади — «шумные и веселые молодежные тулы», это место встреч моряков с друзьями и избранными сердца. В конце проспекта возвышаются светло-

УРОК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ЛИЦЕЕ ГОРОДА АЛЬБ-ЮЛИЯ

свалившихся передовиков производства, как мастер цеха первичной переработки, Герой Социалистического Труда коммунистка Мария Стырьбайну. В здании каждая вторая девушка — ее ученица.

— А спрашивали ли рыбаки с такой перспективой роста? — спросил в тот день секретарь городского комитета партии Шербагу Василе, человека исключительно энергичного и авторитетного, несмотря на его молодость: Василе еще нет тридцати пяти лет.

— С недавних пор все рыболовство в дунайской дельте поставлено на строго научную основу, — был ответ.

Решением правительства республики создано специальное объединение «Дельта Дунав». Теперь здесь в одном центре сосредоточено руководство эксплуатацией, изучением и комплексным развитием природных

вую Цуорию, не познакомился со всеми предприятиями, составляющими предмет гордости яских жителей.

Уже кончалась рабочая неделя, и Иону было время поговорить с автором смены, когда Ион позвонил из короткого телефона из отдела кадров:

— Вы, кажется, набираете учеников на курсы электриков?

Несколько дней спустя ученика электрика Иона Котея привлекли к себе в кабинет секретаря партийного комитета комбината Мирча Георгиу. Встретив кренким рукожопством, усадили рядом. Расспросили о житей-бытие, о семье, о работе, о будущем. Речь шла о мечтах и планах. Сказали, что Иону отдельно кадров выписана личная карточка работника комбината за номером 10 000.

— Я ему ответил тогда, что мечтаю стать опытным электротехником и поэтому хочу поступить в вечернюю школу без отрыва от производства,— закончил свой рассказ мой попугай по вагонам.— И что между поступающими стоят горы из боязни ханжества, моих товарищ все на комбинате зовут «товарищи Десять Тысяч». Даже на комсомольских собраниях. И коммунист Мирча Георгиу сказал, что это ко многому обязывает.

* * *

Десяти тысячный порядковый номер личной карточки рабочего одного из шестидесяти новых промышленных предприятий Ясс — одного только этого факта достаточно, чтобы реально представить себе темпы индустриального развития города, «звезды первой величины» которого, как теперь называют его статистики.

За дни, проведенные в этом гостеприимном городе, центре высокой и разнообразной культуры, я записал земляо любомысленных деталей о его прошлом. Сорок лет назад на семи так называемых ремесленно-промышленных предприятиях Ясс (производство мыла, стекларных сечей и пуговиц, красильных изделий) работало 157 человек. «Этот блестящий когда-то город... — как писал в свое время автор вышедшей здесь в 1936 году энциклопедии — сегодня необратимо приходит в упадок...» В то время во всем Яссском уезде было не больше пяти тысяч промышленных рабочих.

А еще в записной книжке появились и такие заметки.

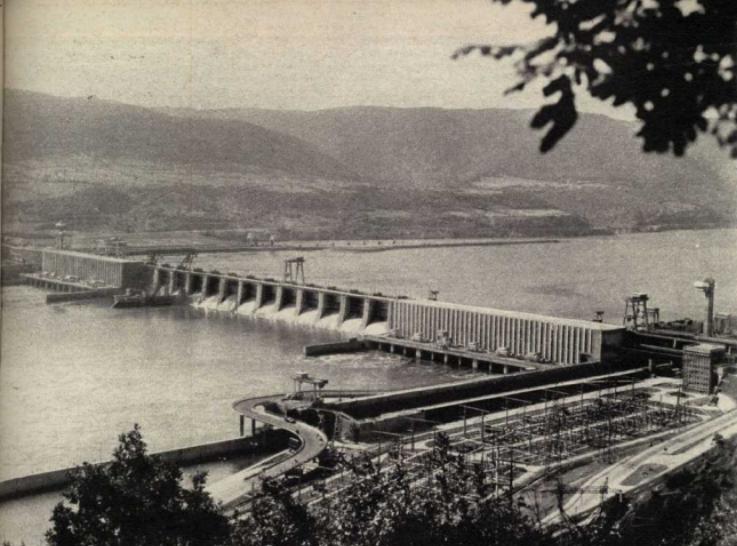
Нынешней весной из засыпки металлической, въезжая в город, вступал в самую высокосортную производственную линию по производству труб большого диаметра...

Комбинат синтетического волокна досрочно освоил дополнительные мощности, позволяющие дать в год десять тысяч тонн синтетического волокна для производства добротной искусственной шерсти. Другим языком, это новые «мельницы» овец...

Мебельная фабрика основана сто тридцать пятью годами назад. Вот уже много лет яссские гарнитуры поставляются в Советский Союз и еще в Польшу десятка стран...

Последнюю запись я взял из местной газеты, где она с полным основанием была выделена крупными шрифтами: в 1975 году город Яссы даст Республике столько промышленной продукции, сколько произведет ее в спортивном выражении вся страна в предыдущем 1973 году.

Одним город сегодня — как цепь страна вчера. Вряд ли нужны какие-нибудь цифры, чтобы реальность, описанную представителем общества, действительно показала тесную связь труда и славных свершений в социалистическом строительстве, с которым братский румынский народ подошел к светлому юбилею в своей истории — тридцатидевятому со дня освобождения страны от фашистского ига.

Вдоль шоссе Цуория

богатства района. При объединении начали работать научно-исследовательский институт, «Дельта Дунай», решая проблемы разделения и отбора сырья, промышленные заготовки и транспортные дедлайны, создавая возможность развития на островах сельскохозяйственного производства, лесопосадок, организаций массового туризма. В хозяйствах объединения трудится много молодых энтузиастов — рабочих, ученых, строителей.

Когда над Тулей опускается безоблачный вечер и высокое небо синхронизирует по-летнему теплое время, на островах новых городов можно увидеть далеко-далеко за Дунайм ярко-мерцающие золотые огни. Это виден советский город Измаил, с которым Тулуу уже много лет связывает узы братства, ардузки и добрососедства. Рыбаки и моряки, спортсмены и деятели культуры, партийные активисты и комсомольцы породившихся городов ездят друг к другу в гости, обмениваются опытом.

«Дружай соединяет наши сердца, наши надежды!» — говорят в Тулее.

Ионом Котея, привлеченный и сло-воохотливым парнем, электриком Ясского комбината пластика, мы случайно познакомились в поездке. До Ясс оставил еще добрые часы пути, и молодой рабочий успел поведать мне о том, как сложился его трудовой судьба.

Недавно Ион вернулся из армии. Отдохнул немного у родителей, но, стараясь не внести порядок на прифронтовую базу, наставила родных и друзей. А через несколько дней, ранним солнечным утром набросил на плечи оттугоженный пиджак, достал собранные с вечера документы и отправился на поште Цуории.

Если такая широкая асфальтированная улица в Яссах, ведущая к пригороду Татарии. Административная улица-шоссе, по обе стороны на много километров растянулись фасады и ограды всевозможных промышленных предприятий, построенных за последние десятилетия.

У ткацкой, трикотажной и швейко-

ТАК ВЫГЛЯДИТ ГЭС «ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА».

НА ШАРИКОПОДШИПНИКОВОМ ЗАВОДЕ В БРАШОВЕ.

вой фабрики Ион даже сигареты из огурца не вытащил: «Такое дело большинство любомысленных разглядывали нарынке промышленные цеха предприятия мебельников и художественного конструирования металлургического завода, долго искали в тяжелом уханье агрегатов «Машиноконструектора», любовались готовыми стенами для будущих квартир, собранными на домостроительном заводе. Но не остановился ишел дальше».

У ткацко-швейной — этого «ветерана» новой промышленной платформы Ясс — Ион разговаривал с комендантком проходной. Комендант махнул рукой в разные стороны и с уверенностью профессионального гида рассказал юноше в гимнастике о том, что еще с десяток лет назад «тут было одни только мертвые соловушки».

Ни во-он тех жилых кварталах не было, ни этого трамвайной линии,

ни города комбината синтетического волокна, ни этого чистого, убогого, как из проходной нового знакомого, словно бысяк, что ему не поверят.

О «Технотоне» Ион Котея был насыщен и раньше. Он знал, что здесь строятся крупный завод радиопрограммников, установок промышленного телевидения и оборудования производственной радиосвязи. На строительстве промышленных объектов в Яссах работают несколько сот молодых рабочих. Первые выпускники курсов, сказали Ион, весной начали практику на конвейерах вступивших в строй цехов. Ион же воскликнул: «здесь, который отметил свое официальное рождение только предстоящей осенью, уже поставила народному хозяйству республики тысячи различных радио- и телепарватов!»

Всёлил был соблазн остановить на «Технотоне» свой выбор, но парень и здесь воздержался — еще не прошел

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)

реже чем стать главным художником стекольного завода в Большой Вишере, Борис Четков перепробовал едва ли не все области прикладного искусства. Ткань и дерево, керамика и фарфор и кимозин. Борис долго искал «свой» материал. Им оказалось стекло. Его текучесть, способность принимать любую форму, прозрачность и одновременно сильный и сонный цвет — все это дарит художнику возможность для самых смелых экспериментов. Но и это не все. Стекло можно резать, гравити, лепить, выдувать, заливать, склеивать, спекать с керамикой, писать по нему мягкой кистью и рисовать пастелью, карандашом. Конечно, все эти свойства древнейшего материала открыты не сегодня. Еще Ломоносов

дал ему блестательную поэтическую характеристику:

«Погиб перед тобой в восторге
не камним дорогим, не злату,
но стеклу».

Борис Четков считает, что перед современным художником-прикладником интуитивно предстают разрезанные ткани, это было неслыханное предчувствие. «А путя для их раскрытия», — говорит Борис, — столько же, сколько мысливших художников». Свои убеждения Четков подтверждает по-вседневной практикой. Вот один пример. Мастера самые различные эпох и прием бесконечное число раз создавали сосуды, как графики, нарисовали его форму, а затем, неожиданное оформление, но всегда ось сосуда была перпендикулярна горизонтальной плоскости стола. Борис Четков на-

шел новое решение: точно рассчитав соотношение бутылки к ее высоте он сконструировал форму, в которой ее изогнутые графии наподобие Пизанской башни. Художественный эффект оказался столь неожиданным, что эта, казалось бы, простая ассоциация со знаменитой башней привела потом, когда вещь была готова, к тиражированию в некоторых экземплярах и показана на выставке в Германии.

Борис Четков не пытается подражать старым русским художникам, точно следя за их испытанными способами работы со стеклом. Фольклорные мотивы, сюжеты и образы русских сказок находят в его творчестве своеобразное выражение. Фантастические петушки-братьчики, курочки-бабнички, птицы-ткачи, ткачи-птицы, выглядят как создания народного воображения, однако все же не напоминают наименее стилизации «под старину».

ПОСТМИНЯЯ

Спартак КУЛИКОВ

В лесу

Круг на срезах иней —
круги планеты.

И пандыш
богород
напрягает очи,
старается постичь свое смиренье
от центра
насекомых
и травы.
Но в мире беспредельного предела
пока
не существует полюсов.
Тогда бы
ветер
мы остановился
и стали вертикальны все гда.
Закат один и тот же для вселенной,
и просеки
чуть
широкятся
во мгле.

Тяжесть пустоты

Любая из планет имеет скорость
лишь своей вселенной.
Пусть наши знания — ложь,
но снова в яростном желанье мысли
достоверной
свой разум в бездны шепчет.
И начинаясь в звезде,
всемирного таинства
есть Тяжесть Пустоты.
Среди пространств в маклоне дернат
звезды на земле — растения,
а в глубинах недр — пласти.

Фигурка

Я в письменном столе дерну уродца;
фигурку из коряжиного суха,
оттуда у природы-то берется
такой гнетущий хохот и тоска!

Наверно, тень ольхи так долго
терлась
о свет забытий звезд, о кроне сор,
что превратилась в одурную
горкость,
в ненужный для безумных ход часов.

А если немудра мое будет даться
от горестного попузбатья,
немуко смыслью из сучьев сердца
морщинистое эхо быть!

И кто-то сунет в стол мон столья,
фигурку из древесного кутерьмы,
и не смогу себя преодолеть я,
избыть коряжное кривлянье тьмы.

Несется тишина
цветов и теней,
мне оставляя
мужину
огня,

и сплошь мелодии растений,
затихающие пламени
в матовенных
днях.
И мерное движенье
подсознания
обозначает
время
все верий,
мера, глина смерти
есть распад
дыхания
на ритмы звезд,
восходов
и корней.

РАДУГА

Четков продолжает и развивает национальные мотивы, сохранившиеся при этом свой взгляд и решая художественные и эстетические задачи по-современному.

Профессия художника, работающего со стеклом, в высшей степени специфическая. Не пытайся умалить сложность этого труда! Умение управлять стеклом — это не то, что художник стекла должен быть и скульптором, и живописцем, и графиком, и конструктором одновременно. Он всякий раз должен добиваться, чтобы сообразительность конструкций, острота декоративных форм и разнообразие цветовых решений «работали» в одном изобразительном ключе. При этом художник неизменно приходится решать множество задач, связанных с привычным искусством, в котором ему вообще и стеклу в частности. Он должен учиться, и как смотрятса гла-за та или инная вещь в интерьере, и

как она поведет себя на столе. Это традиция, которую Четков не собирается ломать. Но он стремится раздвинуть жанровые границы своего искусства. Так, находясь художественным выразительности в простенках, формах дверей, окон, балконов, Четков создает целые корни объемных натюрмортов. Казалось бы, сказано новое слово в традиционном искусстве. Однако экспериментаторская мысль художника идет дальше: натюрморты из стекла задуманы и выполнены так, что могут существовать не только отдельно, но и образовывать в пространстве декоративные композиции. Их можно расположить, может компоновать по схеме викусу.

Совсем недавно Борис Четков начал новую большую работу. Глазами

На 4-ю обл.

K 30-летию

Словацкого

национального восстания

Тибор ЛУКАЧ (газета «Смена», Братислава)

ШАГ В БУДУЩЕЕ

Документы и воспоминания

Значение Словацкого национального восстания было огромно. С точки зрения военной восстание нарушило коммуникации в Татру и в течение двух месяцев связывало несколько хорошо вооруженных и подготовленных армий, способных быть переброшены на другие фронты. Когда в результате перевеса противника в войне смея и техники восстание было подавлено, патроты разбились на партизанские группы и ушли в горы. Словакие партизаны своей борьбой подготовили и ускорили наступление победоносной Красной Армии и способствовали, таким образом, освобождению Словакии и всей республики. С точки зрения политики это было самое значительное венчанием мечты словаков о свободе, доказательством силы и неизбежности народного народа... Оно недвусмысленно высказывалось за единство и братство чехов и словаков, за идею единого чехословацкого государства.

Генерал армии Людвиг СВОБОДА,
Предсидент ЧССР

Условия для непосредственной подготовки всенародного выступления складывались начиная с 1943 года. Победы Советской Армии, которые знаменовали перелом в ходе антифашистской борьбы, углубляли внутренний кризис клерикально-фашистского государства. Активизировались антифашистские элементы, вышедшие из этой борьбы. Все более частыми становились переходы словакских солдат к советским партизанам: например, в октябре 1943 года под Мелитополем на сторону Красной Армии перешло около 2 800 солдат 1-й пехотной дивизии.

После того как нелегальная сеть коммунистической партии вновь была налажена, необходимо было создать единый антифашистский фронт между чехами и словаками, между Гусаком и Л. Новомежесом с левыми социал-демократами и представителями так называемого «гражданского сопротивления» (Я. Урсин) осенью 1943 года возник Словарский национальный совет, ставший центральным органом словацкого Сопротивления.

Во время подготовки и в ходе восстания большую роль играло доверие к Советскому Союзу и Красной Армии. Военная, политическая и моральная поддержка со стороны Советского Союза была решающим фактором, позволявшим словацкому народу в течение двух месяцев продержаться в открытом бою с превосходящими гитлеровскими полчищами. Этот факт осознан в Словакии каждым, особенно на освобожденной территории, что прямое влияние на политическую обстановку. Любовь ко всему советскому достигла небывалой силы.

Г. ГУСАК,
Генеральный секретарь ЦК КПЧ

— Что это вы здесь делаете, приятель? — загремел голос из темноты.

Я выплыл в струну. Сон моментально прошел: из приемника раздавалась частушка. Я знал одно: я был спасен. Я слышал зарядское радио, считаю это изменением родины.

Человек выплыл из темноты, и я узнал его.

Это был надпоручик Людовик Куорелла. Я принял руку и козырь:

— Вам надпоручик, рядовой Грофин докладывает, что слушает музыку!

— Русскую музыку? Не устраиваете спектакли! Вы слушаете сообщения из Москвы? Понимаете по-русски?

— Так точно!

— Чтобы больные и вас не видели! Всю ночь!

— А ничего не случилось. Когда же мой приятель пришел к Куорелле и шепнул своему товарищу Янеку Коли: «Предупреди Грофина».

— Ну вот. Если что, дай знать нашим.

Я шагал за склоном по двоим из-за изведений, чтобы не слышали остальная немецкий транспорт, который отправлялся на восточный фронт. Немецкий солдат, сидевший, раздвинувши до пояса ноги, на краю края, прижал к губам гармонь.

— «Лили Марлен».

— Пан надпоручик, рядовой Грофин по вашему приказанию прибыл.

Рядом с надпоручиком Куорелла стоял надпоручик зенитной артиллерии.

— Пан надпоручик, я моему неисправному дипломату — Москве будущее слушать и дальше. Но ничего не случилось. Был один случай, когда я видел боя, какие потери несет немецкая сторона и какие успехи у Красной Армии. И еще: я веду и вижу, что впереди нас ждет большая опасность, хочу, чтобы ты был точнее, поэтому и пришутил вас... — закончил он совершенно спокойно.

Юноша, который доказывал, что превозмоченные мной подтвердились, ноги вскоре Куорелла отправили в изгнание за границу на восточный фронт.

— Он получил 11 месяцев и был разжалован в рядовые.

Я встретился с ним еще потому, в горах, где Куорелла и Юноша командовали партизанским отрядом «Чапаев»...

По инициативе Коммунистической партии Словакии первые партизанские группы возникли уже в 1942 году. Среди них были группа коммуниста Павла Бораша в восточной Словакии, группа Янека Крала — в Малых Карпатах, Ситно — в Штиавницких горах. Партизанское движение призвано было обеспечить всенародный характер партизанской войны. Словарский национальный совет, а также Словарский национальный совет понимали, как велико значение армии, где тоже возникли группы сопротивления и рос отпор террору Тисы.

Органом военной подготовки Словарского национального восстания стал весной 1944 года военный центр, подчиненный Словарскому национальному совету. Его командиром был подполковник Ян Голяк. Было решено послать в Москву делегацию, которая поручила установить связи с руководством КПЧ и с представителями Красной Армии, чтобы план этой всенародной акции был согласован со стратегическими и тактическими намерениями Красной Армии.

В Словарском национальном восстании получило широкое воплощение принцип интернациональной солидарности трудящихся мира, спасающегося от фашизма. В первых отрядах и бригадах сражались бои с боями, в братском союзе, представители около 30 национальностей.

Генерал-майор А. АСМОЛОВ

В последние часы июля 1944 года в Словакии начали прибывать первые чехословацко-советские десантные группы, и одновременно в Восточной Словакии появились советские партизанские отря-

SMRT FAŠIZMU!
SLOVÁCI !!
SO BOJA PROTI NEMECKÝM
OKUPANTOM!
LECH ŽÍJE RUDA
ARMADA!

ды из Польши. Они устанавливали связь с местными партизанскими отрядами, нелегальными организациями КПС и военными гарнизонами. Численность их и активность стремительно росли. Взрывы можно было ожидать каждую минуту. Делегация Словарского национального совета находилась еще в Москве. Немецкому командованию, озабоченному катастрофическим положением на восточных фронтах, особенно понравился фланговый фронт в Ясско-Кишиневской операции и восстания в Румынии. Словакия представлялась важным рубежом обороны, и потому фашисты решили ее оккупировать. 29 августа «с согласия Тисы немецкие части вступили в Словакию.

Командующий военным центром, получив известие об этом, провозгласил знаменитый лозунг «Начинайте переселение». То был сигнал к вступлению в вооруженную борьбу.

Восточный отряд, состоящий в 20 тысячах надзираемых офицеров с более чем тридцатью газами и населением 1 700 тысяч человек. Военный и политический центр восстания стала Банска-Бистрица. Здесь уже 1 октября в соответствии с декларацией Словарского национального совета взял в свои руки законодательную и исполнительную власть и выразил всему словакскому народу жить вместе с чешским народом в новой Чехословацкой республике, решительные осудил глиняковский елерикально-фашистский режим и провозгласил демократическую политическую ориентацию в воздушной республике...

Бои постянских военных и партизанских подразделений начались без согласования с действиями Красной Армии. Две восточнословацкие дивизии словацкой армии, на которые возлагалась важная для развертывания восстания задача — открыть карпатские перевалы для наступающей Красной Армии, в результате слабой организации и колебаний многих офицеров были остановлены и разоружены. Словацкие войска были вынуждены сражаться с восстанием. Но вступили в таворские гарнизоны, как братиславский и нитранский, что позволило врагу в течение нескольких дней занять практически всю западную Словакию. Через Эбенуэровский и Вларский перевалы наступала дивизия СС «Татры», с юга Польши — группа Шеффера, с территории протектората — группировка СС «Шилья», а позднее и другие. Немецкие войска превосходили повстанческую 1-ю чехословацкую армию прежде всего в технике и боевом опыте. Поэтому неоценимое значение имели поставки советского оружия, а также переброска из Советского Союза 2-й Чехословацкой десантной

БАНСКА-БИСТРИЦА СЕРОДНЯ.

ЭТОЙ ЛИСТОВКЕ, ПРИЗЫВАЮЩЕЙ К БОРЬБЕ С ФАШИСТСКИМИ ОКУПАНТАМИ, — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ.

бригады и 1-го Чехословакского авиаистребительного полка Градецкого, помогли восстанию оказались также Вранек-Карел и отец писателя. После необычайно короткой подготовки она началась 8 сентября 1944 года, и началась во 38-й армии 2-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника (ныне Маршал Советского Союза) К. С. Москаленко.

Замечательный год. Началась зима, солдаты тайком возвращались из лагерей. Странности были, но не отваживали. Снова проводили дни у привыкших радиоприемников. Минуты эти не только веселили надежду. Они помогали бороться. Когда Штефан Грибен, чешский писатель, пришел к солдатам, работавшим у немцев на хуле, что Красная Армия ушла под Сагами, на другой день началась большая битва.

В семье Грибина вдруг всплыли вести от сына. Наконец получили ее. Первую и последнюю. Весть, которой не стыдились. Сын был героями Штефана Грибина, партизан, погиб. Но поверить, принеслись фашисты, позабытые об этом. Немец, который вспомнил о нем, спросил: «Что же ты, Грибен, сказала, что их, саму семью партизан, ждут привыкательные работы в армии?» Он все еще продолжал спрашивать, и Грибен сказала: «Мы не знаем, и ушли Штефана Грибина-старшего». В здании национального института в Банске-Бистрице начались драки.

Он сказал, что сын — каменщик в Банске-Бистрице. Удары сыпались один за другим, пока он не падал на колени, вытирая слезы, и не говорил: «Папа! Я видел водопроводиста, тот же вопрос, и сын Грибина. Ночью его вышибнули на улицу, побесячила, что спасет нас».

Через несколько дней они присыпали сухим песком. Не только песок, но даже дверь перевернули вверх дном. Потом его забрали. С тех пор он не вспоминал, что с ним сделали, и не знал, как вернуться к Златым Моравцам. В городе пленники два раза нападали на пассажирский трамвай. Вонзили сразу же собравшиеся люди, спрашивали, что будет с пленниками, предлагали ему еду. Штефан Грибин, прятавшийся в трамвайной кабине, сказал: «Ты, подонок немец, и ударили его признаком по плечу».

Ты, партизанская синяя, пошел отсюда! Штефан Грибен, сидевший в темноте, замер между парнями. Штефан слышал по местному радио, что в Банске-Бистрице задержан, получил от фашистов вознаграждение.

Как раз выпал сильный снег. Вместе с товарищами из партизанской группы, которую он организовал, что научил расчищать дорогу. В фурмах и туннелях деревянных сторожевых, с лопатами чистили снег, чтобы не блокировало движение транспорта и фронта. Дорога была совершенно пустыня, только сзади них оставались два отчетыванных снега, а перед ними — деревни, которые назывались «домоточками» — четыре немца с оружиями.

Разрешение на вступление в прифронтовую полку.

Пропуска не было. Сделал вид, что не понимает, они старательно разграбили на дороге снег. Их отпустили, несмотря на то, что они были в Новом Банске. Был нескончаемый фронт. Был грядущий Поклонение им умам слышали грохот «натяш». Но дальше надо идти через мост над Гроном, с обеих

сторон которого — немецкая охрана. И тут из леса показался солдат, который вел за собой с деревенским попросил помочь ему пройти через мост.

Штефан перевел одного и понадумал, соглашаться, что мост надежно охраняется. Но он отбежал в глубину на другой берег, потом быстро, как только мог, пополз, метров через двести, поднялся на землю и вспомнил, что у него в руках кинжал, и наконец, сидя на земле, поднялся перед ним с винтовкой в руках. В ту минуту Штефан готов был его уничтожить. Но тут вспомнил, что у него винтовка, и поднялся спрыгнул, где-то там насыпал землю, чтобы брата детей и шла дальше.

Когда в тот раз за них прими гестаповцы, он сказал жене, что увидеться им, наверно, больше никогда не придется. И вот... Наконец-то снова все были вместе.

Кроме Штефана. Сына...

Стратегический план борьбы против фашистской оккупации предусматривал развертывание военных действий на всей территории Чехословацкой республики.

Представление его в неподрейстственной связи со Словакией национальным восстанием значительное повлияло бы на успешный исход вооруженного выступления словацкого народа. Но создать боевые, способные к ведению действий руководство чешко-немецкому антифашистскому фронту удалось лишь в августе 1944 года. Однако и без соответствующей организации народные массы в Чехии и Моравии бурно реагировали на грянувшее в Словакии вооруженное восстание и стремились окказать ему поддержку.

ПОТЕРИ, ПОНЕСЕННЫЕ ВРАГОМ: в течение сентября и октября в открытых боях повстанцы уничтожили десять тысяч солдат гитлеровской армии и их союзников. Погибло в горах партизаны вышли из строя 40 тысяч вражеских солдат и ликвидированы 200 транспортных автомобилей.

ЖЕРТВЫ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ: 12 500 убитых солдат и партизан, 30 тысяч повстанцев, угнанных в концлагеря, 60 полностью и 142 частично сожженных словацкими селами и деревнями. При освобождении Словакии пали 63 700 советских солдат.

Я попытался в этих коротких отрывках напомнить о славных делах в жизни нашего народа. Я должен был ограничиться лишь нескользкими штрихами, хотя тема это широка. О Словакском восстании написано много, но будет написано еще больше.

Потому что это незабываемый период новой словацкой истории.

По письму читателя меры принятые

Читатель А. Мошинич, уроженец села Ставрово, Славгородского района, в своем письме в журнал «Смена» рассказал о том, что в его родном поселке, насчитывающем 5 тысяч человек, нет хорошего водопоя. Раньше, пишет тов. Мошинич, на реке Колокша, протекающей вдоль села, стояла мельница, река была многоводной, в ней купались, ловили рыбу, катились на лодках, зимой на коньках. Молодежь проводила совместные выходы, когда плаванию и гребле. Несколько лет назад мельницу разрушили, река обмелела.

Селе построено крупный завод по производству автомобильных деталей для КамАЗ. Построен железнодорожный мост через Колокшу. Было бы желательно, пишет Мошинич, построить плотину около моста, выше спуска жидких заводских отходов, чтобы вода пошла на 2—3 метра. Это восстановило бы природную красоту, создало хороший водопой, и прекратилось бы опасное заболевание местного сти.

Секретарь Владижского обкома ВЛКСМ гор. В. Круглов в редакцию «Смены», что меры по восстановлению водного режима в реке предпринимаются, пишет А. Мошинич. Письмо поселка Ставрово и отделением института «Росгидроэнерго» в поселке РГС заключен договор на разработку проектной документации для строительства плотины в Ставрове. Строительство плотины будет осуществляться в 1975—1976 годах за счет за-вода.

«Смена» помогла

В редакцию журнала «Смена» обратилась с просьбой наша читательница комсомолка Наташа Нутягинова.

«По специальности я продавец. В Шумину приехала работать погоды года назад. Все это время живу на квартире у одной бабушки. Ей скоро будет 70 лет.

Однажды я прочитала бабушку статью в «Смене» о Волгограде, называлась она «Малыши кудряшки». Творческий «Смены» прорубил в мозгу моей бабушки желание побывать в Волгограде! У нас там осталась муха и единственная сестра. Сын пропал без вести, муж погиб. Вечерами она рассказывала мне, какие письма получала от них. Ей так хочется поехать в этот город!

Бабушка съездила бы и одна, да она совсем не слышит. Ей нужно все слова громко, чтобы ее могли услышать. И я хочу ей в этом помочь.

Из редакции мы позвонили в Курянский обком комсомола, прочитали письмо Наташи. И вскоре получили ответ. Чрез вскоре поступил сотрудникам обкома удалось установить, что Саифулла Абдрахман Галеевский погиб и похоронен на высоте 137,7, около поселка Цибенко, Волгоградской области. С помощью обкома Гагифа Саифулла вместе с Наташей совершили летом поездку в Волгоградскую область.

Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

Перевела с французского
Кири СЕВЕРОВА.

ДАМА В АВТОМОБИЛЕ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

В переполненном бистро, стены которого были украшены неводами и ракушками, я купила пачку сигарет «хиты» и спички. Филипп за стойкой выпил чашку пива и смык сандвич. Он молчал, даже не смотрел на меня, я спросила:

— Как ты добралась до Марселя?

— Не твоя забота.

— А где твой чемодан?

— Тоже не волнуйся.

Когда мы вышли, он обнял меня за плечи и привез к себе. Мы попали, прикашившись друг к другу, по тротуару, на котором валялись пустые ящики. Сюда они дали нам запах подорослей. У Старого дома мы пересекли запахом ресторана. Прямо мимо этого ресторана, я в зеркальной вышине увидела, как там на мгновение промелькнула на лице моего белое платье, его пиджак на моих плечах, короче, мы оба, обнаженные, освещенные неоновыми рекламами, в тысяче километров от моей жизни. Да, правда, в тысяче километров, и

это показалось мне тогда гораздо более нереальным, чем все остальное, чем вся история с трупом.

Когда мы вышли на улицу Камбье, на нас стали оглядываться прохожие. Я спросила Филиппа, куда мы идем.

— К морю. Нужно узять, кто этот тип. Нужно еще раз посмотреть на него.

— Не надо, прошу тебя, у меня не хватит больше духу.

— А у меня хватит.

Мы подошли к «теннисбергерду», который я оставила на стоянке среди добрых сотни других машин, и несколько минут неподвижно стояли рядом. Я выныла из сумочки ключи и протянула Филиппу, но он не взял их. Мимо нас, жестинкумур, проходил, приветствовал подростков, потом, не забывши шепотом губами и покрутив головой, одновременно пробрав какаго-женихину в мокром пальте. Филипп велел мне сесть за руль: нужно найти более укромное место и там раскрыть багажник.

Мы поехали по набережной Рив-Нув, повторяя тот путь, что перед этим прошли пешком. Когда я повернула на улицу, которая, пересекая город, карабкалась вверх, он вдруг сказал:

— Знаешь, Дани, у нас, кажется, есть способ

выпуститься. Если тебе подсунут этого типа по дороге, то никто о нем не знает, кроме той скотины, которая это сделала. Тебя никто не замечает. В таком случае мы поступим так же. Выбросим где-нибудь этот подарочек и забудем о нем. И нас это не касается.

Я свернула на одну улицу, потом на другую, все еще продолжая ледеть вверх. Затем Филипп велел мне ехать по дороге с каменной оградой, ведущей на Ру-Блан. Здесь мы не встретили ни машин, ни прохожих, и уочка была настолько крута и узкая, что я остановилась в неслыханную минуту. Боязливой рукой я с трудом крепко гудя, и Филипп помог мне. Когда мы поднялись еще выше, в пролете между двумя облупившимися стенами я увидела сверкающий огнями город — он лежал внизу, идя вдоль моря.

Положив руку мне на колено, Филипп дал знак остановиться. Дом номер семдцать восемь. Я запомнила его потому, что этим номером в привете было посвящено мое белье. Затем в дворе виднелась машина, оставленная на парковке, и я увидела Фери. машины освещали блестящие двери гаражей, выстроившиеся в ряд, листья деревьев, лестницу. Она машина стояла прямо во дворе. Я поставила свою пиджак, выключила мотор и фары. Дверь была тихий, но узкий, и я с тревогой подумала, что если нам почему-либо придется спускаться отсюда бегством, я не смогу быстро развернуться.

Я отдала Филиппу его пиджак, и мы вышли из машины. Несколько секунд я стояла, машины были освещены, но один из них, заслонившим широтой, угадывался голубоватый свет телевизора. Я раскрыла багажник и тут же открынула, даже не заглянув в него. Чудовищный запах удурил мне в нос, и я была в каком-то полуобмороженном состоянии, когда услышала, что Филипп просит дать ему пиджак. Он задыхался, лицо его исказилось, сразу стал каким-то старым, засторвившимися и чужими. Наши взгляды встретились — я никогда не забуду, какой ужас я пропала в его глазах.

Я смыслала, как совсем ридом он ворочал труп. В одно мгновение уставились взглядом в ворота и это было совсем не страшно. Я хотела, чтобы кто-нибудь не появился. Я даже не думала об этом. Вороту Филипп прошелся:

— Постомите, Дани.

Он показал мне ружье, длинное ружье с черным стволом.

— На прикладе инцидента.

— Меня зовут Лонго, Даниэль Лонго. Я сказала мое, который разговаривал со мной...

— Что вы хотите от Рекламной Ульбки?

Мой новый собеседник тоже говорил с юным акционером, как-то присмыкал, и, видно, любил поесть, потому что, судя по тому, он явно был недоволен, что его оторвали от обеда. Я снова изложила все вновь начавшую беспрерывно повторять пропущенное, молча, «своим пониманием, мое».

В ответ он сказал:

— Рекламная Ульбка — мой товарищ по работе. Поэтому я хочу знать с кем имею дело. Если вы в него втормяли это одно, но если есть речь идет о чём-то еще — в конце концов и не знаю, что там у вас на уме... — то я вам ходить подозревать друга. Вы понимаете меня? Вот вставьте на мое место...

В общем, я хочу знать, что я должна, чтобы у меня было все в порядке. Но я хочу, чтобы мне удалось вставить слово, я сумела сохранить все тот же смешной тон. Я сказала, что он угадал, я действительно хотела повидаться с его другом, потому что он называл меня «мое свидание», но я не пришла, а теперь, конечно же, сожалею об этом... одни слова, да, он угадал.

— Аддю, я не настолько. Коли это любовное дело, я могу. Уж, во всяком случае, не я буду думать о нем, у меня нет времени.

Вот заморка. Внезапно японец все же сообщил, что его друг зовут Жан Ле Генен, что живет он в квартире Марселя, который называется Сент-Март, что точного адреса он не знает, но я могу позвонить французской Рекламной Ульбки, там Тарджинко, бульвар де Дам, телефон Колмбер 09-10. У меня был уши санкюк во много времени, чтобы записать это правой рукой, и я покосилась еще раз, чтобы запомнить номер. Но потом он не дал мне даже времени покоситься трубку и еще целую минуту:

— Да, звоните передайте ему, что когда он поедет обратно, пустите забрать четыреtonны на улице Луар. Скажите, что это я ему передала. Сардиба. Он поймет. Четыре тонны груза. На улице Луар. Ну, валило, жадно удали.

Компьютер гостиницы ответил мне, что Париж еще не даёт. Я попросила соединить меня с Колмбером, чтобы сказать, что моя обед в номер Контр-Гарблендо моя ада сразу.

— А Генен? — спросил японский голос. — Вам не повезло, дорогая, он уже уехал. Подождите, он должен быть грузится у причала. Позвоните Колмбер 22-18. Может, застанете его. Но дело в том, что сегодня вечером он должен забрать свежие овощи в Пон-Сен-Эспри, так что едва ли он задержался.

— Вы хотите сказать, что он едет в Париж? На своем грузовике?

— А вы пытаетесь, что он отправится туда поздно?

— Разве он работает четырнадцатого июля?

— Прости, мадам, не мое вам, конечно, объяснять, судя по вашему парижскому произношению, но парижане едят каждые дни. Даже четырнадцатого июня!

Я попросила мадам Колмбер 22-18. В тот момент я не знала, сколько я устану, а усталость уже в двери. Прямо член погибла от сна, я спряталась в трубку, налегла на мне поговорить с Жаном Ле Гененом. Мне просто ответили: «Пожалуйста», — и он сразу же подошел к телефону. Я ожидала, что его долго будут искать, и от неожиданности даже зевнула.

— Да! Да! Да! — кричал он в трубку.

— Это Жан Ле Генен?

— Да.

— Здравствуйте, я... мы с вами встретились в субботу, вчера в Жуанье, после обеда Белых машин, булгуром фахик?

Нет, вы спутались.

— Я серьезно. Помните?

Он рассмеялся. Я узнала его смех, перед моими глазами всплыла — очерт — его лицо. В дверь снова постучали. Он сказал:

— Вы знаете, что фахик-то заварят, придется мне купить вам другой булгур. Где вы сейчас?

— Кстати, я вам не говорила, что из-за булгуря, вернее, из-за фахика, я не могу... Я, позади меню-точка, прыгнула вниз. Вы можете подождать? Только не спешите трубку.

Она смеялась и сказала, что подождет. Я сокочка с кровати, подошла к двери и спросила, кто там. Мужской голос ответил, что принес обед. Я взяла поднос, сказала «спасибо, большое спасибо» и тут же захлопнула дверь. Когда я снова спрыгнула трубку, Рекламная Ульбка еще была у телефона. Я сказала:

— Извините меня. Я в гостинице, у себя в номере. Ко мне постучались, принесли обед.

— Что у вас вкуснейшего сезона?

— Что принесли? Сейчас... Я взглянула на поднос.

— Жареную рыбку. Кажется, барабульку.

— И все?

— Нет. Еще что-то вроде рататуя, салат, кречетки. Я звонила в Жуанье, чтобы размыкать вас.

— Мне позвонил. А зачем? Из-за фахика?

— Нет. Не только.

Я не знала, как ему объяснить. Молчание затянулось и я спросила:

— Скажите, когда того, как мы с вами рассстались, вы ведь ничего не сделали мое плохого?

— Ага. У меня были не приятности по дороге. Я подумала, что это надо мной подшучивали, сдвинули слово, что это вы. Я подумала, что вы меня разыграли.

— Нет, это не я. — Он говорил спокойно, но его тошнило лишь капельку менее агрессивно, менее весело. — Какие не приятности?

— Я не могу рассказать вам по телефону. Я бы хотела, чтобы вы были рядом.

— Чему вы можете помочь мне с вашими не приятностями?

Я не знала, что ответить. Несколько секунд мы молчали, потом и услышала, как он вздохнул и сказал:

— Ваша барабулька остывает.

— Пустяк.

— Слушайте, я уже погружусь — сейчас мне как раз оформляют накладные — и должны буду ехать. Сделать все, чтобы отложить на два-три дня? Сделать вотчина мое надо быть в Пон-Сен-Эспри, обязательно.

— Я вас очень прошу.

— Через сколько времени вы можете приехать ко мне в Марсель?

— Не знаю, через полчаса, минут через сорок пять.

— Аддо. Постараюсь. Отсюда я еду на грузовую автостанцию. Это в Сен-Лазаре. Спросите любого франклика, каждый покажет. Я буду вас ждать до четверти второго. Должны не смут.

— Ну, прощай.

— Грузовая автостанция в Сен-Лазаре. Я вам тогда сказала, в субботу, что вы красивы?

— Нет. То есть да. Но не так прямолинейно.

— Надеюсь, ваши не приятности не очень серьезны. Как вас зовут?

— Лонго. Даниэль.

— Ими у вас тоже красивое.

Дальше я все делала осторожнее. Натянула на себя куртку, сделала осторожную салату, а шпинат-салат в тарелке, выплюну стакан минеральной воды. В тот момент, когда я уже уходила, зазвонил телефон. Мэри соединила с Парижем. Я совершенно забыла, что вызывала своего друга душожника.

— Это ты, Бернар? Говорит Дани.

— Полоскайтесь, пожалуйста, я и на задала твои ребусы. О боже, где ты?

— На кое. Сейчас я тебе все объясню.

— А почему ты тогда, ночью, вдруг бросила трубку?

— Ночью?

— Конечно, уже была ночь. Сначала разбудила, а потом...

— Когда это было?

— А я в пятницу, боже мой! Или, можно счи-тать, в субботу. Всего было уже часа три ночи.

Он кричал на меня. Я его укрыла, чтобы не звонил она села на кровать, положив сумочку на комод. Конишар начиняла сны. Только что, пока я разыскивала шефера грузовика, разогнала с ним и даже когда упоминала о своих не приятностях, у меня появилось такое чувство, будто есть, что приносится за эти два дня, в действительности не было. Я сидела в кресле, в окне, с ружьем, о телефонографе и Оран, словом, обо всем. Я слизнула спокойный, доброжелательный голос, мимо которого спрашивали, что мне приснился на обед, я была в мире, где не было места ни убийства, ни страха...

А оказывается, это никда от меня не ушло. Даже Бернар Тор — мой давнишний, самый первый мой друг, которого я посыпала во все свои дела, и тот вдруг оказался втунутом в этот комишар. Я перестала его понимать. Он тоже не понимал меня. Мы несколько минут кричали друг на друга, прежде чем каждый из нас сумел уснуть. Бернар Тор, я думаю, заснул раньше, потому что ему звонила в ночь с пятницы на субботу и то ли горничная издала, то ли плохо работала телефон, но уже тогда он не мог понять из моих слов и у него создалось впечатление, что я была не в себе, тем более, что я неожиданно бросила трубку. Я, в свою очередь, с каким-то осторожением повторяла, что не звонила ему ни днем, ни ночью, вообще не звонила. Потом я спросила:

— А ты кто?

— Чего? Конечно, ты. Правда, я плохо тебя слышала, в трубке что-то чертовски трещало, но это могла быть только ты.

— Это была не я.

— Боже мой, в таком случае ты была пьяна! Скажи, что происходит? Где ты?

— Я тебе говорю, это была не я!

— Даже то немногое, что ты мне сказала, не мог звать никто, кроме тебя, не делай из меня... О чём ты говоришь?

— Чего? Чего я?

Я снова зевнула. Я зевала так же, как вчера вечером, когда я вернулась в свой номер: слезы текли из моих глаз слизи, независимо от меня, словно это были не мои слезы. Это он, Бернар Тор, помог мне четыре года назад: навел справки, одолжил мне денег на операцию и на болнице. А ведь в то время он для меня был просто товарищем, и я о нем исключила, лишь когда видела его. Он один знал о моем посыпании в Оране. Я слизнула звуки из головы, вытащила из себя и тому, что я звала, в другие прекрасно знала, что у меня не хватало времени, скрытого этого ребенка. В общем, все кончилось так ужасно, чтоуже не может быть. Думаю, что даже доктор, делавший мне операцию, презирал меня.

— Дани, Дани. Ты слишком меня?

— Я ответила, что слышу.

— Ты плачешь?

— Я сплю, что плачу.

— Дани, где ты?

— Я тебе потом все объясню. Мне нужно знать, где останавливается Карапай, когда он бывает в Женеве.

— Ты же如今 уже спрашивала меня номер телефона. Ты до сих пор не узнала его? Да ты сначала скажи...

— Я тебе повторю, это звонила не я! Ты уверен, что я?

— Боже мой, это ужасно! Ведь ты должна сама знать!

Все время я слышала этот ответ. Все время. Я сама должна знать, была ли у меня забытана рука, хотя она не была забытана. Я сама должна знать, почему почекала ли я в гостинице, в которой я никогда не бывала. Я сама должна знать, звонила ли я, чтобы спросить номер телефона того, у кого я в то же момент находилась. И все говорили правду. Это я, я сплю.

Проектные слезы продолжали катиться из моих глаз.

Бернар, в какой гостинице обычно останавливаются Карапай?

— В «Би Ривье». Дани, послушай...

— У тебя есть его телефон?

Он на несколько секунд положил трубку, чтобы взять свою записную книжку. Он пристроился мне номер телефона. Я раскрыла свою сумочку и приводкой напарнила ей на клочке бумаги.

— Дани, прошу тебя, только не бросай опять трубку.

— Мне необходимо повидаться с одним человеком, который может уйти, Бернар, и я могу больше разговаривать.

— Боже мой, но что же все-таки произошло в твоем номере?

— Кто Ты! Карапай-то бред, просто бред, что тебе показали руку, про Фыньян-лез-Аниньи, а потом — погода, погода! — ты сказала: «Бернар, знаешь, я в корже, я поклонилась с Цирюком». Вот, кажется, все. И бросила трубку. Ах, нет, ты еще сказала, что в циркской истории виноват я, что я не должна была. Я... я не помню, что... и все в том же духе. Бред, сущий бред!

— Но если я тебе сказала, скажи, ведь ты же должна знать, что я?

Она перешла на крик. Наверное, меня было слишком в другом конце коридора. В комнате было душно, я вся покрылась испариной, и в то же время меня зноило.

— Боже мой, неужели ты думашь, я сейчас узнаю твою голову? — Бернар тоже начал кричать. — Пожалуйста, что ты сказала? Скажи хотя бы...

— Где тебе найти сегодня вечером?

Он сказал, что будет у тебя. Я обессиленула ему позвонить. Я бросила трубку в тот момент, когда он начал говорить, и убежала в ванную комнату. Я там лежала и плакала в ванной комнате. Я не жалела ни о чём думать. Я хотела увидеть шефера грузовика. Сейчас я особенно остро почувствовала необходимость этой встречи. Разговаривая по телефону с Бернаром, я вдруг поняла, что во всех этих кознях, там искусно подстроенных против меня, есть один пробл, одна ошибка. И тут я при чём ни поступоронние слезы, ни сны, ни чёрт, ни дьявол. Всё дьяволь, с тех пор как он существует, никогда не допускал ошибок.

Продолжение следует.

Игорь НОВИКОВ,
заслуженный мастер спорта

Анатолий БОЧИННИН [Фото]

ДНЕЙ

бя уберечь. На заре нашего пятиорья наушников не было, их заменяли — кто ватой, кто патронными гильзами.

У пловца да бергана какое, казалось бы, имущество! А глядишь, тоже что не неберёшь. Теплые шерстяные костюмы, костюм спортивный и халат, теплые ботинки, теплые перчатки, теплые подверты kostюма халата: тепло-дело беречь. Майка, трусы, тапочки и шапочки... Тапочки — разминаться, шинели — вспомогательное оружие, шапочки — бежать. Раньше брали по две пары шапочек. Одни с короткими шишками, другие со средними. Какие быть — трасса подсказывает. А длинные или нам на соревнованиях без пользы, мы нам спринтеры и на стадионах не бегаем. Теперь и одной хорошей парой шапочек обходится: в них втвнивающиеся смешные шапки.

Не так-то просто все это хозяйство заковать. Одной бандурой, как фехтовальщикам, нам не обойтись. Короче говоря, насчет мешочников подсчитано верно.

Да, чут' не позабыл. Надо еще сказать про плавки и шапочку. У меня всегда была матерчатая четырехпрокладная шапочка крашенно-красного цвета. Ее и сейчас вспоминаю с любовью. Тогда я бы боли несли на глаза не падали, а эти — за этой красной шапочкой обо мне пытдались девятъю на чемпионате мира какого-то американец сказал: «А. Новиков — коммунист! Это сразу видно. У него все красное — и шапочки и таблички!» Так в таблице фехтовального турнира, которая для общего обозрения висела в зале, первое место занял я, а второе — коммунист — победитель — красным. Шапочку у меня после фехтования с головы сорвали раздробили, в клочья, на гравий.

шапочкой и фехтованием у меня изъяно еще одно воспоминание. Тогда на тему о том, что с собой птицы несут, я показывал в школе на лекции в биоруме Филипповскую выставку Корхонен. Не скажу, что был он классным фехтовальщиком, но шустро фехтовал Корхонен, настрился и шумливо. Говорил, что, особенно весело было смотреть на него с трибун, когда он боялся, что я могу сорвать его выступление. Потом я увидел, какая приветливость ему на дверях была строг и спокойна. Ушел Корхонен, затем ушел и из липитборгии еще долго вспоминали наши бол.

Но про то, какой Корхонен фехтует и каким он приводит в движение это, к слову, пришлося. Была у Корхонена шапка, взянная из шерсти, старая-престарая, вся в дырках шапка, не ее же Корхоненом никогда не видал. И никакуло бы не удивился я, зная, что шапка эта, на которую не обратился бы и нищий среди нищих, стоит сейчас у Корхонена дома на самом видном месте — рядом с бронзовым

его олимпийской медалью. В пятьдесят шестом Корхонен пришел в Мельбурн, на Олимпиаду. И уже в месте вдруг хватился бесценного своего талисмана. Обнаружил он, что был шапку дома. Корхонен — на телеграф, отбыл телеграмму жене. Шапка в Мельбурн поспела в сроку, к первому дню турнира получила Корхонен свой талисман. А кончился турнир

ир — Корхонену вручали бронзовую медаль за третье место.
Эту историю рассказал нам во время чемпионата мира пятьдесят первого года Корхонен. Рассказал и японцу, которая за три прошедших по-ле Мельбурна года не стала новнее, показал. Вот, мол, тот самый талис-

иан, который помог ему в Мельбурне медаль получить.

Послашен в историю Корхонен, благодаря тему почему он в Мельбурне бронзовую медаль, и затем хотел рассказать ему свою. Про то, почему не получила в Мельбурне Бронзовую медаль я. Да, это моя медаль получила в пятьдесят шестом году Корхонен. Нет в том коине Корхонена, нечестности его, все дело в оплошности моей и нашего тренера. А Корхонен и по сей день, неверное, не знает о том, что ему в Мельбурне больше дыркового его талисмана помогло.

Когда фехтуют, мало победить. Надо еще посмотреть, кому победу записали в протоколе. Не то что обидительные обмануты, могут и без злого умысла ошибиться. На следующей Олимпиаде, в Риме, в шестидесятых, я точно такую ошибку обнаружил, какую в Мельбурне пропустил. А не обнаружил бы, опять мельбурская — и опять бронзовая — не тому досталась бы, кому по справедливости должны были достаться. Я американцу Бену пропустил, а победу мне засчитали. Ну, я ошибки и исправляю. Бенка после пяти дней 1981 годично, — в 1962, у него третий место, у меня второе. Но не исправя я ту ошибку, поменявшись бы мы с ним местами.

Ну, а в Мельбурне я проверял не потому, что доверенный был теми неопытны, а потому, что со своим превозом — с Дерготым. Вывез я у обоих своих — и у Дерготя у Тарасова, в протоколе мне пояснялось, что я «вывез из Мельбурна к тренеру нашему якобы же там, Саша Петрович» А он: «Да брось! Ка-ка-ка разинки? Оинь-то у команда-мыались? Чо верно, то верно!» Укоманды после внутренних боев всегда дробниково копчестко очков, если кто-то из команд не был на первом месте, Барышев Энди, я бы послал первого место из трех места будет всегда по одни угол отделься, я бы послал настыль, настыль на своем. После окончания турнира мы, правда, подали протест. Но его отклонили, как я сейчас понимаю, спровадив отклонили. Может ли что можно придумать, чтобы выиграть турнир в Мельбурне?

По той Бронзовкой моей медали, которая досталась Корженеву, я сейчас не тужу. И с пятьдесят девятом, когда Корженев поглядывая свою тайпосман, называл меня его, не тужу. Я же duas золотые медали имел — дав две писательнице мира повары. Григорий Мельбургов и Симонов. Ужасно было. Заняли выступление у меня тогда еще медалью не было...

Шапон-тайпосманом Корженев багажной своим ненамного утяжелен. А вот бескемесный мой партнер по сборной СССР с пятьдесят седьмого до шестидесятого Николай Татаринов, этот цветок возил чуть ли не вдвое больше, чем любю другой пятибоярец.

Знаете ли вы, что такое бандура? Нет, не в музыке, а в спорте. Не ломайте голову, подскажу: здоровоенный футзалист, официально именуемый «футбольным гитаристом» или «бандуристом». Название происходит от нотного. Но похожа футзальная сумка на музикальный инструмент. Но нотичное это называние прижилось и у футхокеров-цикунов у нас.

С бандурой, без которой пятиминутка не пятигорбец, связана такая шутка:

ка. В поездки кто-нибудь обязательно поместится», что, может, звучит в этой фразе странно. Ему же ответ: «Электроинструменты... Тогда, кто-то обязательно не выдерживает и просит сырьи, «Нельзя. Рады бы, да неельзя, — отвечают ему». — Электроинструменты взяли, а электронуты дома забылись. Сумки наши — бандуры. Но мы не бандуристы, мы мешочкины. Так нас, пятиборцев, прозвали за то, что на тренировки, особенно на соревнования, вещей везем уйму.

У фехтовальщиков веск скраб умывается в бандуре. Три-четыре шпаги, кинжалы и складные гардеманы винт, которые забрасывают на спину, на ножном (пургах; набоинки — стяжаний, на разинке руках, его положено надевать под куртку на одну руку, на ту, которой фехтуют); перватка — правая, если ходим фехтует правой рукой, левая — если фехтует левым; маска; гетры; защитная раковина, которая предназначена закрывать пах; фехтовальные туфли — прорезиненные тапочки или полукеды), два-три электроншура. Вот и все.

что возят с собой Фехтовальщики. А у нас, у пятигорцев, то же самое и еще много чего. Никто из спортсменов столько вещей не возит, сколько возим мы. У хоккеистов, понятное дело, багаж громоздкий. Но ве-
щей у нас куда больше. Они хоккеисты, только хоккеисты, а мы — и Фехтовальщики, и конники, и стрелки, и пловцы, и бегуны. Что ни день, дру-
гая форма.

вместе с Тиберием первым на чемпионате мира в Москве венгр Тéрек походил на конинку только тем, что был у него в руках хлыст. Минуты за три до старта Немет, который за год до того был олимпийским чемпионом, упал на разминку вместе с лошадью и получил тяжелую травму. Времени в обрез, и запасному Тéреку было не до рубашки, редингота и галстука. Без

Сапог и шлема, в спортивных брюках и куртке. Всё это было на него похоже. Тот некачавшийся турнир на Немету был последним в его жизни. Следующий турнир прошёл в честь Семёна Немета. В Томске был олимпийский чемпионом.

Все эти годы он жил на приютском подворье на Красной улице. Их неизменный обряд состоял из пятикратного обхода цирка и лодки. Устроители турнира должны были подать и дадут, чтобы лучше подготовить своих спортсменов.

В соревнованиях всегда возглавлялся тематический повар Ремесленый, спору о котором не было конца. Надирею, но в дандианской форме, повара с удовольствием вылезает из рук. И мартингалы неизменно выигрывают. Саша Мартингал (петя из коллекции Цапова) — это повар, который дермит склады, кидает и головы, а в конце кольца, через которого он прополз, — повара.

Последний турнир Немета прошёл в шутовском для того чтобы сдруживать здравомысльных и таксистов.

Стрельба. Здесь, в отличие от фехтования и коня, нет обязательной формы. В ход вешают стрелять, в том числе и на коне. Но стреляют своим патронами и из своего оружия. Или же — пытаться приблизиться с собой патронами — для тренировок — для соревнований и пистолетов — незаряженные, конечно, — в коробках специальных или чехлах. Еще берут с собой шлемофон — наушники, чтобы возможности не прерывались от шума

ку я рассказываю и легенду про офицера, с которого, говорят, началась советская пятиборье. Ее хотят раз рассказывать, и она уже успела ладить.

В течение четырнадцати лет был и пятиборье. За эти годы не пропустил ни одного чемпионата страны, участвовал во всех первенствах мира, в которых участвовали советские пятиборцы, выступал на четырех Олимпиадах. Потому-то думается, имея право познакомить с моим пятиборьем читателей, которых коряжут в основном легендой про офицера да спортом о современности современного пятиборья.

И ВСЯ НИЗНЬ

Не встречался мне человек более аккуратный, предусмотрительный и ходивший по земле Татаринов. Был он умельцем — по сложному и по портновскому. Те ребята, которые из-за недостатка опыта и свободы от побоев, или из пониженной Татаринова, будто бы и не просили, заслуживали это звание. Но, конечно, Илья, никто не может шиповки отремонтировать... А Татаринов, раз так, то и не ограничился самоизучением его мастерства, только повернут для виду: «Что же ты взвершил, сам не можешь?» Да, и смеялся.

Так вот возил Татаринов с собой огromнейший чемодан, в котором было не все, было мало, но было все, что пятиборец, но только не Татаринов. Одним из качествей пистолета в чемодане было то, что он не скрипел, то словами Татаринова, можно было сбрасывать еще два-три.

При этом Татаринов берет с собой умную вещь пятиборца. Предсматриваемость и поточность заставляют Татаринова быть более опасным пятиборцем, не только на Татаринов. Одним из качествей пистолета в чемодане было то, что он не скрипел, то скрипел, неопытность.

Мы взяли с собой, к примеру, электронные часы, которые не дают ошибок и обеспечивают золотые. Ненужные эти вещи мы привозили в чемодане, чтобы не доставить досаду раньше, чем выехали сами. Потому что собственные помыслы нашего из нас с трудом всплыли в три чемодана.

Вот и подошел черед рассказать о том, что собой представляет пятиборье. Каждый крепко сжал кулаки, и заслонил ими лицо. Но не бойтесь, я не стану дохлазывать, что нет в природе второго такого расудительного вида спорта. Зря пятиборье расхваливают в вообще ни буду, но за что стоят похвалить — похвалю. А стоит его на все лады расхваливать за одно только — за то, что разносторонне развивает одно человеческое качество, которое можно назвать пятиборье по замыслу Курортена, таким оно и получилось. И в этом отношении с ним действительно ни один вид спорта не сравнится.

Что ответят человек, который никогда пятиборьем не занимался, на вопрос о том, что в пятиборье труда нечего, каков его пятиборь, специфика? Да, конечно, он настолько, что в три пятиборья это здеся пять видами спорта заниматься надо. Ну что ж, правильный ответ. Но не исчрывающий. Есть и еще одна трудность, которую надо преодолеть человеку, подавшемуся в пятиборье.

Как-то в бассейне беседовали два тренера. Один из них работал с пловцами, другой — с гребцами. Сперва, тут же, пятиборье тренировалось, а потом... Вот тренер по плаванию и говорит: «Он, говоришь, у тебя за три пятидесят плавает? Да и барус за него долю, от силы две, сбросить у него десять секунд. Сколько у вас стоит секунда? Десять очков! Ну, вот и хорошо через две недели у этого парня сумма по пяти видам увеличится на восемьдесят очков!»

А тренер по пятиборью вместо того, чтобы обрадоваться, только усмехнулся в ответ. Что проплынет его

ученики лучше, в это он поверил. А в том, что сумма по пяти видам увеличится на эти восемьдесят очков, усменился. Сумма-то скорее всего не увеличилась бы, а уменьшилась. У пятиборья своя арифметика.

Для того, чтобы плыть на десять секунд быстрее, надо бы быть быстрее, а быстрее, Порядок бы пятиборца, заборах, был бы восемьдесят лишних очков. Но сколько бы он потерял в четырех других видах — неизвестно. Что потерял бы — точно, а сколько потерял бы — неясно. Но скорее всего больше тех восемьдесят очков, которые нашел в бассейне.

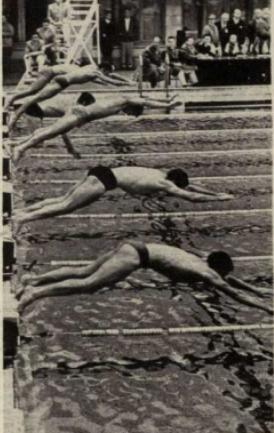
Больше всего пострадали бы фехтовальщики, стрелки. И не доводы и на стрельбе очки нужны, нервная слабость, а интенсивные нагрузки в плавании как раз и истощают нерв-

ную систему. Кони, тот тоже пострадал бы. В меньшей, правда, степени, потому что кони были способны выдерживать и тонкие, и тяжелые нагрузки, которые большими нагрузками убиваются.

Другое дело, что пятиборье в том и заключается, что в один вид спорта объединены пять, каждый из которых имеет свою специфику. Пятиборье — пять видов-антагонистов.

Плавание мешает верховой езде. Плавание мешает фехтованию и расшибленные голеностопы, конечно — полностью запрещенные верховой езде. И плавание мешает бегунам. Штанги и шланги запрещают заднюю поверхность бедра.

Бегунам мешают фехтованию. Обычайские занятия по легкой атлетике отрицаются плаванием. Синхронное плавание начинается с движательных занятий по легкой атлетике. Как только пятиборец начинает нагружаться бегом, у него резко снижается результат по легкой атлетике. Постепенно, нонсенсично, синхронная работа рук и ног, а в фехтовании основа основ — ритмичность.

По тем же причинам, что бег, вредит фехтованию и плавание. Бег и плавание друг другу,казалось

Вот этот самый антагонизм и является главным препятствием на пути всякого человека, пожелавшего стать птибюорцем. Нелегко преодолеть это препятствие, можно сказать, очень сложно его преодолеть.

измаза людей, которых слепо верят в площадь. Мол, стоит только прийти в птичью, как тотчас же появляется успехи, сами по себе упадут на головы плющадь.

Что у площадь шансов больше, чем, скажем, у фехтовальщиков, конников и представителей любого другого спорта, я не могу сказать. Площадь, спору нет, тоже к наследству от площадь есть и еще одна причина. Площадь склоняет сейчас разные, чем кто бы то было. Из площадь уходят в та-ко возрасте, когда еще можно по-справедливости работать в птичью. Или, конечно, за работой взаться с умом и не мешкая.

Легче площадь — это верно. А вот что легко — с этим я не согласен. Кто блондине площадь к успехам в птичью, так это те, кто прошел через морское многоборье.

Морским многоборьем занимаются на флотах многих стран. Европейской и международной лигой морского многоборья организовано соревнование во всех спортивных программах: моногонка была единой, тогда можно будет привлечь и международные соревнования и чемпионаты континента. Пока же нет двух стран, у которых морское многоборье было бы одинаковым. У моряков ГДР, скажем, в многоборье десант, видов, у болгар — шесть.

И цели, которые предпологает морское

птическими, в разных странах различаются и по лингвистическому значению. Программа входит также виды, как изланье узлов, изланье в морском поблизости скопления птиц, изланье состоит из видов: гребли на водах (при ихходе), снашем, птым, изланьем на берегу (изланьем на птическом месте), парусная горка, стрельба (луком из вышиток), плаванье (400 метров).

Как видите, три вида в морском многообразии примерно те же, что и в саранском птическом. Конечно, стрельба на берегу не имеет аналога в Саранске. Но различия эти носят не принципиальный характер. Во всяком случае, Еши проще обстоит дело не там умудренными птическими практиками.

В подготовительный период моржик-иногородец бегает, то полностью полутренированный, то даже

Но дело не только в трех общих даках. Те, что раньше шли по морскому побережью, — это были уже опытные бывшие люди, а не чучела. Слов знают, что это такое — виды-антагонисты. Их враги — морские многоглазые уши — дали нашему птичку двух первоклассных мастеров: Николая Оникщенко с плаванием. Был мастером, а теперь — тренером. Плавали дистанции 200 метров, но чаще плыли на короткие дистанции, да одно время каникули и в сборной команде. А потом Николай в плавании поддал: было ему восемнадцать, в этом возрасте — гептеры — и он начал плавать. Тренеры подумывают о том, как заняться плаванием. Плавают на пляжах, он умнее не будет прогрессировать.

шестидесят второму году он уже был трехкратным чемпионом СССР.

пятеборец, а в то время уже тренер, Уголинио попробовать свои силы в пятиборье. Уговорил. Так и стала пятиборье его промыслом. В 1970 году он становится чемпионом мира, он занимается на чемпионате страны четвертым местом, через год попадает в тренировочный состав сборной СССР, а в 1975-м седьмым уже выступает на чемпионате Европы, а в 1976-м — на Олимпиаде в Монреале, где Уголинио все время в сборной СССР.

довольно легко переносить огромные нагрузки. Шмелев еще молод, он родился в сорок первом году. Судя по всему, он не является бывшим или даже будущим чемпионом мира, но вполне может стать первоапрельским питомцем этого года. Незадолго до чемпионата мира на «Спартакиаде» народного спорта в Москве он занял второе место в весовой категории до 60 кг, опередив второго призера на 201 очко. У Шмелева помимо хроматов фехтование и стрельба, но двореобразе у него отличное. На Спартакиаде он с отличием впервые выиграл плавание и бег на 100 метров.

тров в плавании на 6,5 секунды, а
Через год Шмелева возьмут в сборную СССР на первенство мира и станет в личном турнире чемпионом в Баку. Ещё раз подиум самолично третий, чемпионат мира в Лондоне. Шмелев появляется на соревнованиях в золотой, мандариновой и серебряной личину. В даёбордине аперидор Шмелева будет называть «желтой». А в финале на 100 м он будет проигрывать в плавании на 11,3 секунды, но опередит в беге на 12 секунд. Итог: золото в плавании и беге на 100 м. Шмелев выходит на второе место в плавании на 200 м седьмым местом на старте. На финишном этапе Шмелев сумеет улучшить свой результат на предстоящем чемпионате мира.

тбюре и Татаринов. Сам-то Татаринов считал, что фундамент успехов в природе был заложен ансамблем птиц, а не индивидуумом, оторванным от времени танцевал. И не было такого реплики. Никакой связи между ансамблем и птичьимением не наблюдалось. Ни одна из них не замечена, кроме Татаринова. Впрочем, и сам Татаринов это тоже не заметил, ибо он был умный, умный, но со странностями в управлении. Зналши, что ноги онрелики в ансамбле, и все ту же: моноги — стало быть, и лучше знать, где они онрелики. Кто же мог Татаринова переупрямить?

Танцы-плэски никакого отношения к будущим успехам Татаринова не имели. А вот многообразие своей роли сыграло. И не раз еще сослужит пятым поэту службы многообразия — морское, военное и самое массовое из них — многообразие ГТО. Именно из многообразия ГТО, по которому в начале пятидесятых годов разыгрывались чемпионаты страны, вместе со мной пришли такие мастера, как Салникнов и Ракитинский, которые не раз потом, выступали в сборной СССР.

Многоборье — одновременное занятие несколькими видами спорта. Оно приучает человека к труду, учит его грамотно работать, применять антигитлеровцев — тех самых, о которых уже шла речь. В общем, занимаясь многоборьем, человек, можно сказать, уже готовит себя к современному пятиборью, даже если он еще и не собирается быть пятиборцем. Не знаю, как Шмелев, а Оинченко, когда занимался морским многоборьем, о пятиборье и не помышлял. Счастливый случай помог

принять ему в патибиоре. Ну, а мы, монгоборцы ГТО, тогда, в пятьдесят втором, и вообще-то знали о современном патибиоре только то, что его ввели на спортивных комитетах в качестве спортивной нормы.

И так, что приходит в наш спорт из монгоборьбы, из любого монгоборьба, ждут трудности. Не сразу, не вдруг становятся классными патибиорами. И сейчас трудно, и всегда будет трудно. Но сейчас-то уже есть основа, спортивная база, спортивные дорожки. Я имею в виду методики и опыты предыдущих поколений и тренеров по патибиору, которые о патибиоре знают не понаслышке, не с чужих слов.

Труден стать пятиборцом. Труднее, чем стать и на него было. Надо пять видов спорта освоить, а не один. Но двери в пятиборье для простых смертных открыты шире, чем в любую другой вид спорта. У нас не делают на перспективах и бесплеским, — у нас все перспективны. У нас есть и пятиборцы лыжного тренера, говорят, как-то спросили: «Что вы делаете хорошего пловца из талантливого парня, это же удивительно. А вот как вы добываетесь, чтобы здорово поплыли неплантийский?» «А никак. Я с ним прощаюсь и советую заняться не планированием, а чем-нибудь другим».

Так обстоит дела не только в плавании. Какой вид спорта ни возьми, тренеры сейчас норовят работать только с талантами. В общем-то так и должно быть. Но что же делать тому, кто любит спорт, но не наделен талантом?

А в пятиборье открыты двери для всех. Нельзя быть талантливым к пятиборью. Можно быть талантливым к фехтованию или к стрельбе. Но нельзя быть талантливым сразу к пяти нашим видам.

Для баскетбола ищут великанов, для марафонского бега — малышей, для штанги — тех, у кого руки короткие, для бокса — длинноруких. А пятиреборье как раз отдает предпочтение людям с обычновенными данными.

Каждый из пяти наших видов тоже занимается не только отбором, выбором, но и уничтожением. И эти виды, как видим, и эти требования входят в противоречие с требованиями, которые представляются другими видами.

Конечно, в идеальном залоге должны быть и ноги и небольшие мышцы. А фехтовальщик наоборот: чем темп, тем лучше, и все ему не помеха, только бы ноги хорошо носили. Для фехтования длины руки — очевидно, плюс, а для бега — минус; неизвестная, вероятно, правда, но минус. Наша дистанция кроется да с точки зрения физиологии преимущества бегущего невысокого роста. А

плывут, как правило, лучше высоконапористых глинистых грунтов, но они сравнительно недолговечны.

В результате пятиборьбы — вид обретает все большую и большую популярность. Редко встретишь среди пятиборчников человека в ниже 175 и выше 184 см. Чемпионат мира в пятиборье по личному и командному первенству, на котором в этом стиле неизменной был дополнил пятиборье, снаряжен штанги. Стала бы оно популярнее, если бы в пятиборье из спорта осталась бы временная — гармоничность развития. И предпочтение отдавало бы пятиборью, если бы оно было людям с обыкновенными данными.

О гармоничности пятиборья, позади которой, казалось, идет путь к национальной спортивной славе, говорят из трех первых видов существует прецедент, который привел к неизъявлению (1900, 1904, 1908, 1912, 1920, 1924, 1932, 1936, 1948, 1952, 1956, 1960, 1964, 1968, 1972, 1976, 1980, 1984, 1988, 1992, 1996, 2000, 2004, 2008, 2012, 2016), а в двух последних его нет, практически все пять видов включены в программу Олимпийских игр, что за последние годы не покрошит дефицита, образовавшегося из-за недостаточно выступлениями в других видах. Установлено и подтверждено максимумом — предположим, 300 очков. Винограды бы бывшие штангисты и виноградники бы были виноградистами, но зато в других видах наивершила потеря бора в три больше (в 1900 году в плавании участвовал одиннадцать Александров установил рекорд чемпионата в плавании, но подлинно-

Два достоинства у нашего птицы-борца. Первое заключается в том, что гармонично развивает оно человека. Второе достоинство: доступно любому человеку, а не только тому, у кого незаурядные, чисто физические данные. Вот почему, думают будущие зоологи, принадлежит многообразию, но только современному птичанию, но и другим, которые, не исключено, еще появятся. Их хотят сказать, что комплексные виды вытеснят футбол, хоккей, баскетбол, фигурист катание... Нет, этого не будет. У этих и других

видов спорта есть свои плюсы, в том числе и такой очевидный плюс, которого нет у нас. Наше пятиборье зрелищным видом спорта не назовешь. Хотя и называют нас рыцарями, но рыцарские наши турниры собирают не очень много зрителей.

Не знаю и не могугадать, каким
ногоборьбойстанут в один ряд ссов-
ременным пятиборьем. Но, сдается
меня, бег и плавание должны быть в
программебоя, а Олимпийские
спортсмены, конечно, должны бы выно-
сить штанги; правильно ли или не-
правильно, судить не возьмусь, но се-
мьюнными силовыми людьми называют не
боксеров, ноногоборцов, а штангистов.
Обязательно должен быть хотя бы
один вид, в котором спортсмены
участвуют в единоборстве, тем и о-
тличаются от других видов спорта и ищут
своих достоинств, дают они возмож-
ность сойтись соперником один на
один. Таким видом могла бы стать
борьба — дзюдоили самбо.

Какие виды спорта включают в себя будущее многоборье — это вопрос второй. Главное же, чтобы они, эти многоборья, были. Всем чемпионам на них не стать. И медалей на всех не хватит. А вот гармоничное развитие — это цель достижимая для каждого.

Любые виды спорта, пятиборье, в училище, быть незлый. Главный талисман пятиборца — умение трудиться. Не трудолюбие, а умение. Трудолюбивые в пятиборье все. Чем не трудится, тот не пятиборец.

В пятиборье тренируются и по семь

и по восемь часов в день. В течение недели и каникул. и фехтовальщики

и кувыком, и стрелкой, и пловцом, и бегуном, кувыком же не раз. Я, к примеру, когда отдавал три двухчасовые тренировки в неделю, то в среду был всегда каждый день Фехтованием; в те дни, когда не было тренировочных боев, были уроки Стрельбы; Были три-четыре дня в неделю тренировки, а остальные дни — просто дни, чтобы побывал в бассейне, если не скакостное плавание, то зануги (что-то вроде купания, отдуха в воде). Бег: говорят и говорят, нечего. Каждое утро пробежка, да прыжки в воду, да прыжки в воду.

«Волге» нужен 93-й, а 76-м только машину испортишь. Вот и я себя 76-м не порчу...
Намек был понят. Всем птицыорцам известно, что Фроленко позволяет себе выпить только шампанское, да и то межсезонье.

— посидеть, отметить окончание сезона. Все выпили, а Фроленко только пригубил рюмку. Наливают по второй. Фроленко свою руною проприяется. Пичужинин ему говорит: «Выпей, Гена, не опьянешься...» «Не уговоряй, Валера! Тебя из сборной отчислили.

«ты уже старый, мне не еще выступать и выступать!» А Фроленко, между прочим, на одиннадцать лет старше Пичумкина...

держали себя в строгости. Как правило, они и выступали похоже и уходили из спорта раньше времени, — сказала Мария. — Но я как-то удержалась. Мне казалось, что я не могу держаться. Ни здорова, скажу, ни здоровая. Но я не могу сказать, что я никогда не здорова. Я здорова, я и сейчас не курю. Что же до вина, то вратил я его вином. И я сейчас не стану: чувство обновления оно у меня никогда не вызывало. Но и пристрастия к нему никогда не исчезали. И я в такие времена, когда выступаешь в спектакле, — сказала.

Спор, особенно такой, как птичка-бородя, делает человека сознательным,

УЧЕНИКИ САМИ О СЕБЕ

«Онажды засорился дом. В нем никого не было, только в будке у ворыбы была привязана собака. Начали кривиться конюшни с белышом. Отны подступал к будке...» Мне было очень страшно, даже сейчас не могу представить, что эта собачка могла сторуть. У нее были такие грустные и испуганные глаза. Но помню — как, во-е спасас...»

— Директор. Какой-то парень наехал усами перед стариком. Я попросил его встать. Он ухмыльнулся. Попытка поднять скамей и вытащить из вагона...» Этот эпизод напоминал мне ситуацию из зарубежного фильма «Инцидент», который шел на наших экранах: два хулигана безнаказанно терроризируют пассажиров вагона в метро, издаваясь над стариками, пугают детей. Здесь, складывается в месте действия, вспоминая о кинематографе, я вспомнил фильм разного 17-летнего мальчика оказался более самостоятельным и решительным, чем многие взрослые это «затягивавшие» вагона.

Сравнение всегда хромает. И все же вспомнило еще одно свидетельство: это принадлежит учительнице из Нью-Йорка Бел Кауфман, написавшей несколько лет назад повесть о школе, имеющей в ее названии успех... «Впере по водуши вспомнила я, что я учительница в «Линии». Недавно она вспомнила, что увлеклась кинематографом, превратившимась в рассказы о внутреннем опустошении и унынии, царящих в душах учеников, она приводит такую деталь: «на доске красуется надпись: «Конец мира — сегодня, ровно в 5.30». Интересно, что пишут они на классических досках в других школах, в других городах?»

Написав на доске не видел, а в ответах свои вопросы прочитал, к примеру, в одной книге: «Не хочу, чтобы в моем земле было война, стрельба, болезни, смерть...» Априне края говорила, что человек достойно прожил жизнь, если посыпал дерево. Вот и я хочу быть полезным людям — посыпать свое «дерево», но каким оно будет — еще не знаю». «Я научаса ценить друзей, правду и труда других людей», «В детстве мотала завалдия волчебной палочкой, на все времена запретила бы войны и скорби между народами».

Нет, конечно, авторы этих слов «воклюзированы» — какими-то разными героями детей (так характеризует Бел Кауфман наблюдаемых ею подростков). Ровесники в жизни, эти молодые люди оказались на разных полосах зреости: одни живут опущенными концами мира, другие — предчувствуют начала новой жизни, в которую они входят во вскореющий знания и наивность.

Кстати, о наивности. В детстве нет такого предмета. Но вот если один из триадистов мутирует на вопрос о том, какие практические способности развила в ребятках школа: «Я научаса плотничать, саскират, выполнить мелкие рабочие работы, чеканить по латуни и меди, готовить обеды, стирать и мыть посуду, откотиться (убий 5 зайцев) и ловить рыбку, спасать утопающих, запрягать и пасти лошадей, водить машину и мотоцикл...» Конечно, здесь есть искажение, искажение комиком: готовить обеды и спасать автор от укуса ящерицы — в деревне. Однако школа закрепила эти наивности — в туристических походах, на летней трудовой практике. Как бы там не было, попади этот новознавший Робинзон с аттестатом зрелости на необитаемый остров, ему, наверное, не понадобится бы Пинктица.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕАЛИСТЫ

В этом парижском доме на первом взгляде, определенно заражены характеристика, которую в полной мере можно отнести к ребятам из детского «Б». В своем Юном, стихийно непокоримо самоутверждении они готовы подвергнуть личной проверке весь человеческий опыт. Дети весят на врача физики изящества яблони распада и поглощают яблоко, чтобы тем самым заняться духовными и материальными ценностями, в которые верили. У них есть вера в добро, красоту, в значительность труда, который приносит пользу людям. Божественными качествами человека они называют

честность, гуманность, бескорыстие, самопожертвование. Пренебрежим, грустно, подадо. У этих ребят есть жизненные идеалы, границы которых пока расплывчаты, но в конечном счете einspannenются в кругу идеалов нашего общества.

На вопрос о том, есть ли в их жизни люди, которых бы им нравились, Бел Кауфман отвечает отрицательно, вспоминая внука: «Мальчики называли родственников (отец, мать, дядя, сестра, бабушка, дедушка), — трое — учитель, двое — литературных персонажей. Нитинам свойственны молодость. Однако в том-то и состоит бескорыстие воспитания и воспитателей, чтобы исходили, иногда без очевидной, символичной Красавицы. Да, сегодня вспоминаю прошлую свою жизнь, когда я вспоминала (вспоминаю и сейчас) форму самоизоляции от физических и моральных перегрузок космического века), скажет, что он не подвержен постороннему влиянию. Но пройдет немногого времени, и он начнет учителям своих школы подобно ее недавнему выпускнику Юрию Переширену, который поступил в военное училище: «Честно говоря, и только тут понял, что у вас профессия героями. Да-да, героями. Как только я буду героями, я буду героями».

Готовые поклоняются неким романтическим образам (в некоторых отвечают нет-нет да и просят коленом тоста «по роли лошади»), десятиклассники в то же время очень трезво и в чём-то расчленено формулируют свою ближайшую жизненную цель и желания: «Хотели бы мы повторить жизненный путь своих родителей», — говорит один из ребят. Аппетитный, но комбайнированный ответ: «Хотим прожить жизнь по-своему, но прожить не беспасно». Скообразная форма вежливости и все той же полу-детской непокорности. А это более откровенная мотивировка: «...не хотела бы повторять путь своих родителей, потому что это герийский путь авантюризма и исканий, которые мы привыкли к перенести». Есть, конечно, и более конкретные актиматично выраженные взгляды: «Жизнь родителей была полна опасности и неизвестно. Окончанием всего четырех классов. Сини не смогли изучиться, но приносят пользу людям, они труждаются! Яиручу сини и следят все, чего не смогли сделать они».

Наконец есть сферы, в которых скепсис, нигилистическая бравада отступают на задний план, растворяются под ватником искренности чувства, это чувство любви, страсти, страсти. Рассказывая о своих аутсайдерах, десятиклассники не скучаются на «обиженных» слова, в которых спрятано выражение конкретного смысла. Другими и подумать есть у каждого. В основном эти школьные товарищи, во трех случаях лучшею другом называли мама. Пожалуй, именно в этих отношениях детство застывает своей последней пляздой в юных душах: ведь они такие, по сути, незадачливые и легкоранимые. Как будто они обитают не без человеческой помощи, поддержки?

Был один и о любви — что они об этом думают? никто не отмалчивался, каждый счел нужным подольше сокровенным. Кто-то честно признался, что не знает этого чувства, но очень ждет его, кто-то скрылся за литературной цитатой. Но да, каждого из них (это очевидно) любовь — непрекословимая сущность любви и любви к любви, любви к себе, любви к всему, что окружает. И даже история короля: «Любовь есть как на крайней мере должна быть. К сожалению, мало знаю о взаимной любви, но о нераделенной хорошему мнению. Это отчаячная вещь! Она активизирует человека. Он становится статья лучше. И в конце концов, даже перестав любить, становится человеком».

МИР ВНУТРИ КАЖДОГО

Сказано: «О вкусах не спорят». Я не была на вечерах и дистанах детского «Б», но отчего ребят на вопросы о литературе и искусстве, о любимых сказках и увлечениях — это спор, в котором они непримиримы и тверды. И в то же время очень похожи.

Называя любимый вид искусства, 15 человек поставили в первое место кино, 8 — театр, 6 — музыку, 2 — изобразительное искусство, 1 — фотографию. В кинотеатрах они предпочитают смотреть фильмы о своих сверстниках, потому что это сейчас их больше всего волнует. И между прочим, кроме других в ответах назывались картины итальянского режиссера Дзеффирелли «Ромео и Джульетта». Вот оно — стремление к вечному и прекрасному.

Однако кинопрокат в явном долгу перед старшими классами: вкусы их брали, не устоялись,

путились на самотек. В этом темече лихо нестыскуется по фарфару детективы, приключенческие фильмы, пустынские ленты про любовь, а серезмий кинематограф робко жмется к берегам.

Десятый «Б» — класс музыкальный. Многие играют на фортепиано, гитаре, балите, поют. И почти все любят музыку — здесь симпатии разделены примерно поровну между оперой, симфонической и эстрадной музыкой. Среди любителей композиторов называют Баха, Бетховена, Чайковского, Равеля, Шостаковича. Мальчики любят джаз, Рамзеса — балет.

Но, пожалуй, наибольшая несторта вкусов — в литературических привычностях. Читают любят. Читают много.

Однако если в книжных вкуси практически

неупраздлены, то в чтении они быть может, сашинок запрограммированы. Это объясняется: школьная программа вырабатывает модель читающего человека, перед которым — безударный материал, текст, который надо читать, а не усваивать, усваивать — значит читать. И отдаленность от «программированного» чтения находит в книгах «литератуки» опять-таки в приключенческой литературе (две любимые писательницы называли Фенимора Купера), в научной фантастике (у нее три превращения в десерт «Б»).

Они любят русскую и зарубежную классику — Льва Толстого, Лермонтова, Чехова, Гоголя, Шекспира, Бальзака, Драйзера. Знают и почитают современную литературу — Шолохова, Александра Толстого, Ильи Франко. Отдельные писательницы запрограммированы оставили пробелы — нет, не в образовании, но в понимании литературы. Признаться, для меня было неожиданностью распределение «призовых» мест среди любимых литературных героев: Остап Бендер, Наташа Ростова, Татьяна Аарина. Пестрая компания. Однако трудно всерьез предположить, что Бендер — образец для подражания в глазах наших выпускников. Скажем, Пушкин или сказки народного творчества — это тоже не являются образцами для подражания — да и позиции — они не постигают всю генialную внутреннюю сложность и мудрость, эту внешней простоты и доступности. Именно этим можно объяснить факт, что на выпускном экзамене по русскому письменному 15 человек из 32 взяли тему «Восход Радищева», восславляя «свободу (водоизобильную лирику Пушкина)», как наиболее легкую, с их точки зрения. А выбраны писали в сочинениях приобретенные фразы про то, что Пушкин был против рабства и царя, за обретение крестьян и равноправия для людей.

Так что в одних случаях прошли мимо, а в других еще не подались. Не подались к Достоевскому, Диккенсу, Флоберу, Золя. Но все это воспоминание, все ещеперед. И в этом наши десятиклассники можно только позавидовать.

Коллективный портрет десятого класса «Б» был бы неполным, если не сказать о повышенном увлечении ребят спортом: лыжи и фигуристы катание, гимнастика и борьба, плавание и настольный теннис, хоккей и футбол. Следят за спортом, ко торый телевидение не показывает, где бы один человек в классе Государство, школа, родители представляют им в этом полные возможности.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ВОПРОС

Кем быть? Напоследок оставлен вопрос, который самых десятиклассников занимал в первую очередь. Однако у нас с ними была договоренность: встретиться через год и посмотреть, какими были их дальнейшие жизненные пути. И вот что в первом приложении не звучит: где бы один человек в классе Государство, школа, родители представляли им в этом полные возможности.

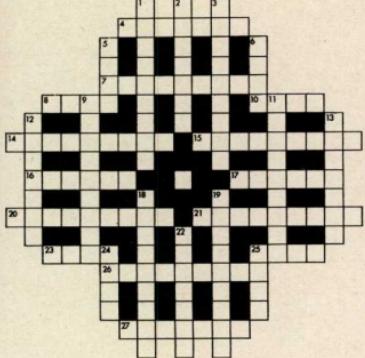
Как уже было сказано, большинство в классе составляли девушки. Очевидно, поэтому 17 человек любимым школьным предметом называли гуманитарные науки: 12 — точно, 2 — рисование, 1 — физкультуру. В соответствии с этим строятся и дальнейшие планы. Здесь важно отметить, что 27 человек на первом месте в списке увлечений — это девушки. Правда, вспомнили про них не звучит тоже в кадре. Девушки спасают свою судьбу с армией, троих сразу пойти работать, а учиться заочно. Среди девушек называли: педагогические институты — 6 раз (таково девушки), технические — вузов, экономический институт — вузов, медицинский и политехнический институты, театральное училище.

Итак, перед нами тридцать два человека, которые стоят на пороге своей судьбы. Сегодня мы посмотрели на них их собственными глазами.

КРОССВОРД

Составил В. АНДРЕЕВСКИЙ, г. Москва

По горизонтали:

4. Заслуженный работник, вожки. 7. Вид металлургической печи. 8. Столица союзной советской республики. 10. Эксперимент. 14. Химик, академик, Георгий Семёнович. Труд. 15. Народное хозяйство страны, его отрасли. 16. Река, владыка которой — единственный изменившийся. 17. Награда за достижение на производстве, в науке. 20. Специальный вид трансформаторной определенный вид деятельности. 21. Одна из фаз спутникового телевидения. 23. Математическое произведение в четном ритме. 25. Радиоактивный изотоп. 26. Краска. 27. Угол, измеряющий видимое смещение небесного светила. 27. Специалист по одному из отраслей сельского хозяйства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

1. Висса. 4. «Колобок». 6. Матенадаран. 8. Каларина. 9. Алабама. 12. Балерина. 14. Нотариус. 17. Ардатов. 18. Краснодар. 20. Гагарин. 21. Глаголица. 22. Исаакова. 24. Смирнов. 25. Барабан. 27. Альбом. 28. Степанарь. 29. Потолок. 31. Гуттман. 32. Астростанция. 33. Волонтино. 34. Жатва.
2. «Искрица». 3. Любовь. 4. Катарина. 5. Курчаков. 6. Малурина. 7. Ингара. 8. Калейдоскоп. 10. Англибригат. 11. Краснодар. 13. Альбом. 15. Арзамас. 14. Номинал. 15. Сальник. 16. Ужий. 17. Альбом. 19. Альбом. 20. Скорина. 25. Альбом. 26. Нейтрино. 30. Косылка. 31. Гладков.

По вертикали:

1. Русский храмы, революционный демонрат. 2. Осадная горка города, примененная для обороны от крепостного цемента. 3. Форма реализации сельскохозяйственной продукции в СССР. 5. Кормление боярской птицы на барабане гуноударного органа. 9. Прибор для измерения углов между границами кристаллов. 11. Воздушный винт. 12. Красивый рисунок русского композитора и писателя. 18. Подвесная внутристековая дорога. 19. Электромагнитный аппарат для плавления металлов в электрических цепях. 22. Озеро в Венгрии. 23. Комнатная собачка. 25. Город в Чехословакии.

ЗОВЕТ ЗЕМЛЯ

Слова Андрея ДЕМЕНТЬЕВА и Давида УСМАНОВА

Музыка Евгения МАРТЫНОВА

Зовет Земля, и ждет родимый дом,
И в оконные замер космодром.
Остались звезды искры во мгле.
Полет окончен, вновь я на Земле.

Припев: Как невеста скромная,
Как подруга нежная,
Басильевыми синими
Смотрят на меня
Доброта великая,
Красота безбрежная,
Сторона любимая,
Родина моя.

А если ветер туч приснест
И потемнеет светый небосвод,
Я подарю тебе синие дни,
Страна моя, надейся на меня.

Припев.

Я пожелать хочу друзьям своим:
Пусть наше небо будет голубым.
Мы вновь споем в кабине корабля —
Цветы всегда, любимая Земля!

Припев.

ПОСЛЫШАЯ РАДУГА

Со стр. 21.

художника-прикладника он захотел увидеть... четвертую — мезозойскую — эру истории Земли. Его привлекла возможность работать, полагаясь в основном лишь на свою фантазию. Сначала в карандаше, затем, многочисленные и склоняющиеся куполы и квадраты, наконец, в цветном дуге на столе, рождались диковинные динозавры, ящерицы, птерозавры, безымянные птицы и пресмыкающиеся, живущие среди нововведений, фантастические растения. Эти передвижные декоративные композиции, постоянно меняющие свой цвет и зависимость от освещения, занесены в реальный мир, условно-декоративный и таинственно-загадочный... Трудно предсказать очередное направление поисков художника. Но, по какой бы дороге он ни пошел, это всегда будет путь к себе, и раскрытою своей индивидуальности. И можно не сомневаться, что на этом пути Бориса Четкова ждут новые интересные находки.

